

Ася Тургенева

МУЖЧИНА, КОТОРОГО ОНА ПОЛЮБИЛА

Реальная сказка



СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ася Тургенева

**Мужчина, которого она
полюбила. Реальная сказка**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ася Тургенева

Мужчина, которого она полюбила. Реальная сказка / Ася Тургенева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"Золотой мальчик" Марк, продолжатель актерской династии Егор Ермаков и одиночка-карьерист Пётр Орлов. Каждый из них пытается понять себя и окружающих, найти своих людей и не потеряться в бытовых дебрях. Они становятся свидетелями важных событий в жизни России 2000-х. Они делают ошибки, взрослеют, учатся прощать и переживать потери. Объединяет их всех знакомство с молодым историком Варварой Ивановой. Наивная и романтическая натура пытается жить честно и правильно. Вот только, что такое "правильно"? И кто он, мужчина, которого она полюбила? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	39
Глава 14	41
Часть 2	47
Глава 1	47
Глава 2	48
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

«Просто возьми и напиши!»

Посвящается Бабуле

Вместо предисловия

Эта книга началась с фразы «Просто возьми и напиши». Один человек несерьезно сказал мне серьезную вещь: «Просто возьми и напиши». Еще одну серьезную фразу саркастически произнесла Бабуля: «Хотелось бы увидеть твою книгу при жизни».

Со школьной скамьи в моей голове жили истории. Но они обрывались, не складываясь в единую картину. Все казалось не тем, все было не так. Мне и эта история уже кажется «не такой». Но я снова совершаю над собой усилие: это просто история. Она не претендует на место рядом с классиками.

В институте меня учили, что надо рассказать читателю историю, чтобы он мог задуматься, начать размышлять. Поэтому у этого рассказа нет выводов. Вы подумаете о них самостоятельно. Может быть согласитесь с героями, а может нет. Жизнь – это всего лишь истории, которые мы проживаем и рассказываем друг другу.

Я просто взяла и описала вам одну из них. Я исполнила свою мечту. Мечты сбываются, превращаясь в цели!

Спасибо каждому, кто поверил в мою цель вместе со мной!

Часть 1

Глава 1

Мы всегда ждём подходящего момента. Ждём так долго и целеустремлённо, что на это уходит вся жизнь. Подходящего момента не бывает. Например, можно было бы прождать ещё 365 дней, чтобы рассказать вам эту историю. Изменило бы ли это что-нибудь? О, да! Начались бы новые 365 дней. Нет, ждать подходящего момента бессмысленно. Конечно, вы можете возразить, что это слишком категоричное утверждение, и будете правы. Целесообразно ли, скажем, бросать работу, не имея сбережений и новых предложений. Возможно, глупо. Но ведь есть шанс, что рискнув, вы не упадёте, а станете усерднее махать крыльями, и взлетите ещё выше. Каждый делает свой выбор. Жизнь – это бесконечные выборы и последовательность решений.

Варя сделала свой выбор 30 сентября. Она почувствовала его, но ещё не осознала. И так бывает. Какого года? Давайте условимся, что это история происходит с нашими современниками, то есть людьми, живущими во втором десятилетии 2000-х. А рассказчик оставляет за собой право быть наблюдателем не столь шепетильным, чтобы точно соблюсти все хронологические точности. Просто начнём эту историю осенью. Кто-то посчитает её слишком «слезливой», кто-то слишком банальной, кто-то невероятной. Но это просто реальная сказка, как вся жизнь. Сказки ведь разные.

Варваре в жизни повезло. Натуральная блондинка, не красящая корни в чёрный цвет. Да ещё и с выющейся густой шевелюрой. Зеленые с изумрудным отблеском глаза. Красивое декольте, так сказать, есть, что показать. Статная. Да, не худая. Но и не пышка. И рост в самый раз – 170 см. Все при ней! Не повезло Варваре в двух вещах. Первое, она не считала, что ей повезло в выше перечисленных позициях. Второе, к 25 годам она почти примирилась с тем, что ей не дано влюбляться и любить. «Вот у всех получается – говорила она, – а у меня нет. Не щёлкает ничего ни к кому. Ну, что мне теперь повеситься или застрелиться?». Конечно же, как это всегда бывает, все одноклассницы и однокурсницы Вари выходили замуж (а некоторые и дважды) и рожали детей. Да-да, именно все! Все-все! А если не выходили, то хотя бы имели «длительные отношения». Варя же оставалось либо рыдать (в одиночестве), либо усиленно наслаждаться жизнью «самодостаточной и независимой женщины».

В полдень 30 сентября Варя сидела на диване, и ждала, когда её друг Марк наконец-то соберётся, и они выйдут «в люди». Марк копошился в поисках кроссовок, каких-то конкретных из десяти, имеющихся в наличии. И именно те, самые, естественно, не мог найти. При этом он успевал спросить: «Будешь кофе?». Получить ответ: «Давай». Сделать кофе, опять убежать искать обувь. И так далее. Варя в ожидании занималась пультоманией – перебирала телеканалы – и пила эспрессо со сливками. Наличие кофемашины и хороших зёрен сглаживали многие недостатки хозяина квартиры. Дошелкав до «ОТР», Варя остановилась. Шла какая-то передача, ведущий и гость разговаривали о кино и «за жизнь». Ей стало интересно. Лицо молодого человека казалось знакомым. Из разговора следовало, что он актёр. Светло-русые волосы, серо-голубые глаза. Было понятно, что парень высокий и худой. Хотя бесформенный свитер и делал его более широкоплечим. Это ничуть не портило картины. Гость ухмылялся левым уголком рта, и в этот момент в глазах его промелькнула чертовщинка, та самая, обаятельная чертовщинка, которую называют мужская харизма. Но дело было вовсе не во внешности. Хотя взгляд... Варю зацепило другое: ей нравилось, что говорит этот человек, как рассуждает, как держится. «Марк, кто это?» – крикнула она в соседнюю комнату. Оттуда донеслось: «Кто?». Марк появился в арке, разделяющей коридор и кухню-гостиную, и абсолютно равнодушно проинформировал: «Егор Ермаков». «За такого я бы могла пойти замуж», – подумала

Варвара. Через секунду она решила: «Ерунда». А Марк наконец-то нашёл кроссовки красные с чёрной полоской.

Егор Ермаков – продолжатель актерско-режиссёрской династии – был из тех, на ком природа не отдохнула. Он уверенно набирал обороты в отечественном кинематографе и на театральных подмостках, к 28 годам занимая не последнее место в списке самых успешных и перспективных молодых актёров страны. Ни коим образом не отрекшись от семьи, чуть ли не полным составом вошедшей в энциклопедии (начиная с пра-пра-деда), он в каждый раз честно отвечал: «Я не знаю сложно или легко быть сыном Алексея Ермакова или внуком Егора Ермакова, или сыном Елены Смирнитской. Я другой жизни не знаю». Светская хроника знала о нем немного: женился, через год развёлся, замечен в одном нетрезвом дебоше, работает много. Конечно, холостое положение и приятная внешность добавляли ему популярности среди поклонниц.

Но Варя, когда подумала впервые (!), что может прожить с кем-то целую жизнь, подумала о реальном человеке. Если бы Егор оказался при этом врачом или математиком, это не имело бы никакого значения. Это было бы даже проще, потому что у историка и актера гораздо меньше шансов встретиться.

Глава 2

У всех есть тайны. Большие и маленькие. Ужасные и милые. Значимые и ерундовые.

Егор не знал, что чувствует к бывшей жене. Ненависть? Нет. Обиду, злость? Пожалуй, их тоже нет. Никто никого не бросал. Что же?

Он думал об этом вчера, и начал с этого утро. Думал сейчас, идя в полумраке студийного коридора на пробы. Дневной свет попадал сюда через единственное окно в конце пути, и было видно, как струятся пылинки на фоне пасмурного октябрьского неба в мутном окне.

Несколько месяцев продюсеры и режиссёр спорили относительно главной героини: выбирали из двух актрис. Обе должны были сыграть в сериале, но вопрос, кому какую роль отдать, оставался открытым. Егор знал, что Аня, его бывшая жена, тоже в проекте. Но о том, что главную роль отдали все же ей, узнал только накануне. Теперь нужны были формальные пробы. Паре в разводе предстояло играть зарождение чувства, а потом любовь, на протяжении 12 серий.

«Егор, приезжай завтра к 9:00. Сделаем пробу для продюсеров с Аней Дубровской», – проинформировал женский голос режиссёра в телефонную трубку накануне.

Неизвестность, волнение, неопределённость – все вместе вызывало в Егоре тревогу. Он никогда не встречался с женой, и тем более бывшей, в кадре. Представить Аню такой же посторонней женщиной, как любую другую партнершу казалось странным. И они давно не виделись. После развода пересекались где-то пару раз.

Закончился очередной тяжёлый месяц. Спал урывками в самолётах, поездах, гримвагонах. Заглушал усталость сигаретами и кофе. Единственный выходной – пробы с бывшей женой. Работа важнее личных симпатий и антипатий. Но ты не всегда можешь предугадать собственные реакции.

Нельзя предугадать, что через час в такси, стоя в пробке под песню «БИ-2» «До утра», ты будешь удивлён тому факту, что целуя женщину, с которой ещё год назад собирался прожить всю жизнь, не почувствовал ничего. Не забыл, как дышат, не потерялся на несколько минут в реальности, не почувствовал мурашки по телу – ничего.

По желтой крыше забарабанил дождь. Где-то разразился раскат. Гроза. Мокрую листву понесло порывами ветра. Один лист приклеился к лобовому, разлив подобной наглостью водителя. Егор смотрел, как девушка на тротуаре пыталась вернуть зонт, вывернутый наизнанку, в привычное положение. Это была гиблая затея, потому что в такой ураган зонт все равно её не спасёт. «Бедняга», – подумал Егор. Такси рвануло на зелёный, и девушка пропала из виду за дождевой стеной. Остался только стук капель и «БИ-2»:

«До утра на краю темноты.

Мир утраты, с которым на ты.

Неслучайной приметой ветра.

До утра»

Глава 3

Варя промокла до нитки. Джинсы прилипали к ногам. Шерстяное пальто набрало воду, и начало давить на плечи. Шарф обвил шею мокрой удавкой, бахрама слиплась. Зонт после борьбы со стихией лишился двух спиц. Носки окрасились от ботинок, повторяя обрамление подошвы.

Она быстро сбросила с себя холодную одежду, и залезла под горячий душ. Под согревающими струями, образующими пар в ванной комнате, создавалась иллюзия тепла. Она продержится ещё несколько минут после водных процедур: по телу будет разливаться приятный ток. Если быстро надеть тёплую пижаму, шерстяные носки, залезть под одеяло, и уже там, под одеялом, пить горячий чай, согревая ладони о кружку, удастся увеличить период блаженства. Подобный процесс знаком каждому гражданину, ожидающему отопительный сезон.

Проще всего натопить в Вариной однушке было кухню. Спасала газовая плита. Столь архаичный предмет бытовой техники многими уже забыт. Однако «антиквариат» имеет несколько важных преимуществ для наших широт: работает, когда отключают свет, и может давать тепло. Вот и Варвара сняла чайник, а конфорку выключать не стала, напротив включила ещё одну. Абсолютно белую чашку с «выбитым» кружевным узором поставила на чистый белый подоконник, и уставилась в окно. Ветка дерева была по окну, и время от времени казалось, что стеклопакет вот-вот лопнет. Слышно было, как водяные потоки несутся по сточным трубам, откосам. По двору «реки» несли мусор, невывезенный утром коммунальщиками, сломанные ветки в перемешку с землёй и листвой.

Варя с грустью наблюдала эту картину, вода пальцем по холодному оконному стеклу. Кто из нас не придавался меланхолии в такую погоду? А когда ты промок, замёрз, не обнаружил дома нормальной еды и сидишь в гробовой тишине в неотопливаемой чужой квартире, себя жалко вдвойне, и по щекам одна за одной катятся слезы.

«Господи, ну, почему все так? Зачем я здесь? Для чего? Если у меня есть только эта тишина. Одинокая тишина. И так день за днём, день за днем», – так сама с собой беседовала Варвара. На улице совсем стемнело, и кухню осветил отсвет фонаря.

Справедливости ради заметим, что Варя подобные приступы жалости позволяла себе нечасто, не поддаваясь на провокации отчаяния. Но иногда её все же заедал холостяцкий быт, финансовые проблемы и, если хотите, зависть. У неё ушёл не один год на то, чтобы перестать чувствовать себя ущербной, когда все считают, что у «молодой девушки должен быть ухажёр, на крайний случай любовник», когда все ходят тусить, а ты читаешь книжки в одиночестве или проводишь вечер за просмотром сериала. Не один год был потрачен на самоидентификацию, необходимую в первую очередь самой Варваре. Каждому человеку важно понимать, каков он есть. Из этого произрастает его отношение к окружающему миру, его мечты и цели. Поняв самих себя, мы определяем свой путь и наращиваем защитную броню. Это как в басне про обезьянку: ты с умными или с красивыми? Например, признав себя белой вороной перед самим собой, ты сможешь не поддаться на провокации чёрных – быть как все. Но мы отвлеклись, а меж тем, история ещё предоставит нам случай для философских дискуссий и рассуждений.

«Здесь деньги не ждут, когда их сожгут», – запел Варин мобильный голосом солиста «Пикника».

– Да, – ответила Варя, размазывая слезы по щекам и шмыгая носом.

– Иванова, ты что заболела?! – Марк сейчас взбесил бы любого меланхолика своим невероятным оптимизмом. – Или ты ревешь?! – иногда плохо дружить с людьми десятилетиями: конспирироваться сложнее.

– Звонарёв, чего тебе надо?

– Так, хорош реветь. Давай бери такси, и дуй ко мне. У меня сегодня открылась кулинарная чакра, а кормить некого.

– Такси дорого...

– Я оплачу.

– Я так не могу.

– Не заставляй нарушать цензуру. Всё. Выедешь – набери.

Айфон на другом конце города нажал отбой. Варвара поплелась в ванную сушить голову.

Когда вам 25-ть, а вы дружите с человеком 18 лет, это кажется невероятным. Что за огромные цифры? Марк и Варя действительно были знакомы большую часть сознательной жизни. «Ты столько знаешь обо мне, что мне либо дружить с тобой до конца дней моих, либо убить тебя прямо сейчас», – часто шутил Марк. Он знал о Варваре не меньше.

В школе они не сразу сдружились. Да и почему потом вдруг оказались вместе, сказать сложно. Дети с разным воспитанием, образом жизни и достатком почему-то нашли общий язык. При этом найти десять отличий между Звонарёвым и Ивановой было бы куда проще, чем сходства. Марк – единственный ребёнок родителей, где папа владелец заводов и пароходов, а мама умница и красавица. Варя – из обычной, как это у нас называют, среднестатистической семьи с двумя детьми. Младшая Кира появилась уже при Марке, и в детстве называла его «наш брат Марк», искренне веря, что Звонарёв действительно родственник. Собственно в этом была доля правды: Маркушу давно приняли в семью. Он быстро освоился, и стал с удовольствием ходить к Варваре на обеды и ужины, не стесняясь, как это бывает с другими детьми. Новая «прописка» даже заставила маму Марка быстро навести справки и познакомиться с Варварой. Кандидатура последней была одобрена, опасения сняты с повестки дня. И Варе тоже дали доступ в семью. Она, в отличие от Марка, освоилась не так быстро, и довольно долго побаивалась его родителей.

Глава 4

Всю дорогу домой Егору казалось: он невероятно хочет спать и более ничего. Но провалявшись полчаса, Ермаков осознал всю бесперспективность затеи. Организм отказывался выключать рубильник. Послonyaвшись по квартире, приняв душ, полистав пару-тройку сценариев и убедившись в девственной чистоте холодильника, Егор взялся размышлять о том, что сидеть дома – не вариант. И тут, очень вовремя, позвонил Кеша, и позвал на посиделки в какой-то новый грузинский ресторан. План сидеть дома и ни с кем не встречаться с треском провалился. Надев футболку, рубашку в клетку и джинсы, дополнив «образ» любимыми чёрными кедами, Егор снова вызвал такси.

Из-за непрекращающегося дождя, на улице было темнее, чем должно бы. Серые мокрые высотки грустили вдоль автомагистралей, некоторые казались ещё более убогими и никчёмными из-за пасмурного бэкграунда. Советские многоэтажки, когда-то считавшиеся современным, напоминали уставших несчастных прохожих, потерявшихся в реальности и пытающихся понять: кто они и где.

Егор опустил окно и закурил. Ветер бросал ему в лицо капли дождя: холодно и освежающе приятно одновременно. Радио в машине не работало, таксист попался не из болтливых. Тишину тревожил лишь звук колёс, ёрзающих по лужам и мокрому асфальту. Молчаливая обстановка удивительным образом совпадала с настроением Егора. Наконец-то можно было абстрагироваться от происходящего вокруг и расслышать самого себя. Молчать с самим собой важно. Этому его научил дед. Они нечасто общались, но от того ценнее были моменты проведённые с Егором Алексеевичем. Беседы с дедом, ставшим легендарным ещё при жизни, врезались в память Егора-младшего так четко и подробно, будто в эти моменты кто-то нажимал кнопку «гес».

Веранда старой дачи. Желтая осень, солнце скачет по верхушкам елей. Дед сидит в кресле с сигаретой. Стройный мужчина средних лет, которого язык не повернется назвать старым, несмотря на абсолютно седую голову. "Ты правильно делаешь, что много читаешь», – говорит дед и затягивается сигаретой. – Но так надо читать, чтобы думать, а не просто бегать по строчкам ради сюжета. Думать оно вообще полезно, не зря народ так говорит. Иногда лучше сесть где-нибудь в сторонке – подумать – поговорить с самим собой. Спросить: "Как у тебя дела, Егорушка? Чем живешь? Что полезного сделал?". И отвечать обязательно честно! Я вот порою себе говорю: "Э брат, а вот тут-то ты слукавил, прогнул, Егор Алексеич. А вот тут-то ты не доработал, не додал". Так-то, старик. И с себя требовать надо всегда. Требуешь с других – требуй с себя, требуй в два, в три раза больше".

Дедовы рассуждения часто напоминали монологи из спектаклей. Он будто режиссировал пьесу "Дед и внук". И хотя Егор тогда еще плохо осознавал величину знаменитого родственника, уверенный голос деда производил на него впечатление, подобное ливитановскому влиянию на радиослушателей. Любил ли Егор деда? Задать подобный вопрос означало бы примерно то же самое, что спросить у обычного гражданина "Вы любите Президента нашей страны?". От остальных детей, Егор отличался лишь тем, что мог видеть дядю из сказки не только на экране, а еще пьющим водку и закусывающим шашлыком. Или наблюдать, как «волшебник» в обычном повседневном костюме показывает актерам на репетиции, как надо играть, показывает громко и не всегда цензурно. Или сказать: "Дед, знаешь, я пока не очень понимаю папу". И получить ответ: "Я его тоже пока не очень понимаю".

"Требуй, требуй, требуй. С себя, с себя, с себя – закружилось в голове – Что ты сделал полезного, Егорушка? А ни черта, пока что, не черта».

– 800 рублей – мужской голос с армянским акцентом оборвал воспоминания Ермакова. – Приехали.

Новый грузинский ресторан незамысловато назвали "Генацвали". За аутентикой хозяева тоже не гнались. Постельные тона, европейская мебель. На стенах надписи на грузинском. Как потом объяснил Кеша, тексты грузинских песен. В брошюре, которую раздавали всем гостям, главными "фишками" заведения объявлялись меню и "живой звук".

– Давид планирует сделать здесь мекку современной грузинской музыки: будет приглашать музыкантов, группы, вокалистов. Ну, и кормить, конечно, обещает вкусно, как дома, – рассказывал Кеша, листая меню.

– Еще кто-нибудь подъедет? – Егор пил воду без газа, изучая окружающих.

Андрей с Лелей и Федор.

– Кто сегодня играет? – Егор увидел музыкантов, настраивающих аппаратуру.

– «Мгзавреби» – Кеша подозвал официанта, и шутя продолжил, – играют за еду. Как это бывает, один друг знает другого друга, а тот, в свою очередь, знает третьего. Так вдруг оказывается, что вся Грузия – это одна большая семья, где все друг друга знают. Так почему бы не договориться о концерте по дружбе? Мы не такая большая страна. А Тбилиси не такой уж большой город. Кстати, что у тебя в конце месяца, генацвале?

– С какой целью интересуешься, генацвале?

– Премьера у меня. Я знаешь ли кино снял. Говорят, хорошее.

– Да что ты!

– Ладно, я серьезно. Придешь?

– Обещать не буду. Ты же знаешь, я не фанат «сходок». Но подумаю.

– Дело твоё. Если не придешь, то хоть в кино сходи.

– Обижает, старик.

Глава 5

Через два часа, подремав в пробке и послушав историю армянина из Одессы о том, как он сменил страну, Варя добралась до Марка. В качестве откупных от родителей, которые нечестно баловали его своим вниманием Марк получил машину и квартиру в центре Города. Получить в 17 лет двушку в сталинке с видом на набережную конечно круто. Но чего это стоило Марку, только ему одному и известно. А он был не поклонником душевных разговоров. Поэтому они, он и Варя, приняли событие как данность и не более. Варвару наличие квартиры у друга очень выручало первые несколько лет института. И периодически она сбегала сюда из общаги, пока не смогла снять собственное жилье. А когда Марк улетал отдыхать или "проводить переговоры", Варя и вовсе доставались завидные апартаменты в полное распоряжение. Она была единственной женщиной, удостоенной такой привелегии. Другие "особи женского пола" оставались здесь исключительно на ночь. В особых случаях, ночевки затягивались на две-три недели.

Варя, как всегда, с трудом открыла огромные двустворчатые деревянные двери парадной, в два раза выше неё. Попасть с сырой улицы в светлый и теплый подъезд уже было приятно. Поздоровавшись с консьержем Петровичем, Варя поднялась на 9 этаж в чистом и приятно пахнущем лифте. Марк открыл дверь со сковородкой в руке, в которой явно что-то тлело и дымилось.

– Прости Варюха, но шедевр не удался. Полный писец – последняя фраза доносилась уже из кухни-гостинной, и Марк специально повысил голос, чтобы Варя осознала всю трагичность ситуации.

– А другая еда в доме есть? – хотя, уже задавая вопрос, она знала: ответ будет отрицательным.

Нифига.

– Понятно.

Кухня многое говорило о случившемся даже без дедуктивно-индуктивно метода. В раковине – гора посуды. Варочная поверхность – в пятнах и подтеках. А в открытое окно утекал на набережную "аромат" гари.

Звонарёв, готовить – не твое.

– Вот, не надо, – Марк поднял левую бровь, жест в каждой ситуации обозначающий разные эмоции и в целом не означающий ничего. Это как фишка у актера, отличительный жест, который все знают и которым все умиляются. – Я хорошо готовлю мясо. И, между прочим, никто не жаловался!

– И что же ты в этот раз просто не пожарил стейк?

– Потому что ты их, блин, не любишь.

– Когда тебя это останавливало?

– Лучше бы оценила мою заботу.

– Эту лапшу будешь вешать кому-нибудь другому, – Варя начала закатывать рукава рубашки. – Надо это все теперь убрать.

– Нафиг. Потом уберем. Жрать охота. Пошли в ресторан, тут недалеко новый открыли.

– В таком виде?!

– Какая разница? – Марку искренне было это непонятно. Для него ресторан был равен столовой, где можно поесть готовую еду, и он мог заявиться туда в комбинезоне, спортивных штанах и так далее. Конечно, комбинезон при этом стоил не 1000 руб., и официантом было все равно, как одет клиент, главное – деньги платит и чаевые оставляет.

Варя парировать не стала. Но явно расстроилась. Настроение и так сырело вместе с погодой, а поход в старых джинсах и бесформенной рубашке в ресторан явно не добавит уверенности

в себе. Не потому, что, кому-то есть до этого дело, а потому, что сегодня дело до этого есть ей. В другой день и в другом настроении она могла бы пойти туда и в калошах. А Марку очень хотелось есть, и надо было как-то "разруливать ситуацию".

– Слушай. Я же совсем забыл: мама тебе подарок оставила. Там кажись что-то из шмотья. – И с этими словами он унесся в гардеробную. Варя пошла за ним.

– Твоя мама прилетала два месяца назад!

– Вот я тогда и забыл.

На верхней полке действительно нашелся черный пакет, а в нем темно зеленое платье с юбкой-солнцем в пол. Лучше, как говорится, не придумаешь. А в коридоре нашлись Варини черные туфли на каблуке, которые она носила редко и поэтому бросила у Марка. Благодаря вечно вьющийся копне о причёске Варя могла вообще никогда не думать. Через 10 минут она была готова и абсолютно преобразилась.

– Знаешь, что я ценю в женщинах? Умение быстро собираться – в этот момент Звонарёв не лукавил, есть с каждой минутой хотелось все больше.

На улице по-прежнему моросил дождь, но ветер упал, а небо постепенно очищалось. До ресторана было минут двадцать-тридцать пешком. Думаю, не трудно догадаться, что пара направилась в уже помянутый "Генацвали".

К моменту их прихода ресторан был полон народу, но чудейшим образом кто-то в последнюю минуту отказался от брони. Сто лик оказался в углу у окна с видом на улицу, и «пяточек» с музыкантами с этого места было видно прекрасно.

– Молодой человек, нам тарелку кавказских сыров, сулугуни на дровах, хачапури парочку... давайте хачапури по-аджарски и по-мегрельски. Я буду сациви с мясом цыпленка, на горячие чанахи с запечённым картофелем. И ещё помидорчики с зеленью. Соусы на ваш вкус. И бутылочку красного.

Если у вас сейчас появились сомнения, осилит ли такой заказ Марк, может не сомневаться – осилит. Более того, на его фигуре это никак к завтрашнему утру не скажется. Обычный ужин.

– А вам? – официант внимательно посмотрел на Варю, и мило улыбнулся, не слащаво и учтиво, а именно мило. Парень был живым отображением национальной принадлежности ресторана. Молодой грузин (на вид их ровесник) с красивыми чертами лица располагал к себе. Хотя внешне больше был похож не на официанта, а на стилиста или хотя бы бармена. Уж очень стильно выглядела его стрижка и борода. Образ дополняло тату на тыльной стороне правой руки. У парня был набит «рукав» – надпись на грузинском.

– Я... Я буду салат с помидором и творогом надуги. Простите, если неправильно произнесла, – официант снова улыбнулся. И шашлык из мякоти ягнёнка. И, если можно, прохладную воду без газа.

– Может что-нибудь ещё? – вклинился Марк.

– Пока достаточно. Мне бы это осилить. Спасибо – последняя фраза была адресована официанту.

– Благодарю за заказ. Напитки я принесу сейчас, а первые салаты – через 15–20 минут. – Приятного вечера, – симпатичный грузин удалился.

– Почему ты не уточнил, какое вино? – спросила Варя Марка.

– Не переживай, – Марк прижимал буквы, как магнитофон, зажевывающий пленку, – хорошее принесёт.

– Ну, да, конечно, – саркастически отпарировала Варвара. – Куда уж нам.

– Варюха, не нуди.

Через три сто лика от друзей «поляна» уже ломилась от явств. Егор, которому изначально есть не очень хотелось, уплетал уже третий хачапури. Каким-то магическим образом чем больше он ел, тем больше хотелось. Сулугуни и «Саперави» прекрасно сочетались, обра-

зовывая божественное послевкусие. А потом в ход шёл сочный шашлык из телятины. Шашлык в ткемали. На столе также были хинкали с мясом и хинкали с сыром, различные лепешки, овощи с мангала и свежие кавказские сыры и чача. Вино пили только Егор и Леля. Андрей, Федя и Кеша – чачу.

Егор и Варя сидели к друг другу спиной и на приличном расстоянии, поэтому видеть друг друга не могли. Вообще, в зале каждый был занят своей компанией и выступавшими «Мгзавреби». По сторонам посетители особо не смотрели. Тарелки с едой были для них много увлекательнее, как это часто бывает, когда впервые приходишь в новый для тебя ресторан.

Гиги Дедаламазишвили читал речитатив, предворяющий композицию «Tango». Варя не понимала ни слова, но почему-то для неё текст был похож на молитву. А может это просто голос фронтмена «Мгзавреби» делал его таким. Гиги замолчал, вступили струнные. Варя начала при-танцовывать плечами и головой, как делала это всегда, когда ей нравилась музыка. Марк пробовал вино, принесённое симпатичным грузином. Звонарёв с умным видом посмаковал напиток, одобрительно кивнул, и официант наполнил бокалы.

– Ну, как? – Марк вопросительно посмотрел на Варю, сделав глоток вина из своего бокала.

– Съедобно, – она прекрасно знала, какой будет следующая фраза.

– Я же говорил – произнесли они хором. Марк этого не ожидал, и расхохотался.

– Иванова, как же ты хорошо меня знаешь. Вот не будь у тебя такой скверный характер, я б на тебе женился, ей Богу.

– Не женился бы – сказала, Варя ухмыляясь и оглядываясь по сторонам, изучая интерьер.

– Почему?! – недоуменно спросил Марк.

– Потому что я, Звонарёв, знаю твой скверный характер.

– Я почти идеален, Иванова. «Почти», потому что идеальных людей не существует.

– Конечно-конечно. А главное скромный.

На столе появилась сырная тарелка, и Варя взяла свой любимый сулугуни и ещё какой-то сыр, похожий на вид, опять же её любимый, адыгейский. Марк уже успел съесть половину хачапури.

– Не понимаю, что в тебе женщины находят, – шуточно продолжила Варя, с аппетитом поедая сыр, и запивая его вином.

– Женщины находят во мне два важных качества. Даже три! Первое, у меня есть бабло. – Второе, я не урод. Третье, я ещё и не стар. Блин, я идеален.

– То-есть, они все с тобой исключительно из-за денег?

– Почему? Бывают те, у кого столько же или даже больше денег, чем у меня. Они со мной из-за секса. Есть, конечно, те, кто наивно предполагает, что я на них женюсь. Но! Русские придумали любовь, чтобы не платить. Вот так вот, деточка.

На этих словах перед Марком поставили тарелку с салатом, и он, как голодающий с Поволжья, начал его поглощать. Очень быстро.

– То-есть, ты не веришь, что кто-то может тебя полюбить просто так, бескорыстно?

– Варь, не надо бросаться вот этими красивыми словами. Вот ты мне можешь объяснить, что такое любовь? Как это понять? Я не знаю. Да, бывает что-то большее, чем физиология. Но потом, чаще всего, она начинает выносить мне мозг. И я сначала терплю, а потом посылаю её на все четыре стороны. И ничего от «доброе, светлого, вечного» не остаётся. Поэтому я больше люблю барышень, с которыми у нас изначально все по-честному, которые мне не клянутся в вечной верности, а уходя говорят «Спасибо, Марк».

Марк запил «пламенную» речь красным сухим, осушив бокал наполовину. Варинуму аппетиту мешала меланхолия, поэтому она развивала мелкую моторику, пощипывая то лепешки, то сыр.

– А тебе не жаль тратить свое жизненное время на то, что изначально временно? – про-должала Варя. – Ты ведь сразу знаешь: через неделю или месяц, или полгода между вами все закончится.

– Кто тебе такое сказал?! Я искренне каждый раз верю, что нашел «ту самую», – Звонарёв поднял указательный палец к потолку, имитируя небо, – посланную мне небесами. Я верю, что мы проживем с ней долго и счастливо.

Только полная идиотка не заметила бы в этом ответе красную нить сарказма. По крайней мере, Варя была в этом уверена. Но она просто хорошо знала Марка, и, к тому же, была неглупа.

– С тобой совершенно невозможно разговаривать серьезно, – Варвара вздохнула, как вздыхают мамы, видя очередную шалость своего чада.

– Варюха, ты пойми. Хотя, нет, в этом и проблема.

– В чем?

– В том, что ты этого понять не можешь.

– Чего этого?

– Мы с тобой по-разному смотрим на мир, на жизнь, на...

– Конечно, я же с Луны.

– Да, ты с Луны. Но именно это в тебе и прекрасно. Да, в твоём мире не существует всех этих временных абонентов. А мой состоит из них. Мне нравится она сейчас, и я буду с ней сейчас. Я не хочу думать «а вдруг», «а если», «а может». Извини за выражение, но если мне хочется сегодня трахнуть красивую бабу, то я её трахну, не размышляя над тем, будет ли нам о чем поговорить утром. Извини. – Звонарёв положил правую руку к сердцу и кивнул головой.

Этот жест означал извинение за грубость. Он достаточно прожил с Варей, чтобы научиться жалеть её уши, и лишь изредка позволять себе «нецензурную нелитературную брань». Варя достаточно прожила с Марком, чтобы научиться не вспыхивать багрянцем при подобных высказываниях. В детстве она очень смущалась, когда Марк выдавал подобное. А за откровенную пошлость могла и подзатыльник отвесить.

Пока Варя и Марк обсуждали целеположение взаимоотношений мужчин и женщин, официант принес горячее. А «Мгзавреби» доиграли песню, и получали заслуженные аплодисменты. Марк осушил второй или уже третий бокал вина, и попросил принести еще бутылку.

– Иванова, ты почему не пьешь. Папочка платит.

Варя зло нахмурила брови. Она не любила этот Звонарёвский афоризм, объясняя это тем, что чувствует себя проституткой или содержанкой. Марк об этом знал.

– Не хочется ничего – отрезала Иванова.

– А тебе надо сегодня выпить, – Марк подлил в Варин бокал вина – не побоюсь этого слова, напиток тебе сегодня надо. Давай-давай. Это ж лекарство.

Варя сделала глоток вина.

– До дна! – запротестовал Марк. – Пей до дна, пей до дна, – и он изобразил барабанную дробь, ударяя ладонями по столу.

Варвара осушила бокал, и друг тут же налил ей новый.

– А теперь выпьем за давай выпьем за то, благодаря чему мы, не смотря не на что – сказал Марк, поднимая бокал.

Варя захохотала.

– Вот это же другое дело, Иванова. Я же говорю: лекарство. А теперь пошли танцевать.

– Нет, нет я не пойду, – Варя отчаянно замотала головой, и попыталась отодвинуться в угол от Марка, который уже встал из-за стола. Но друг крепко схватил девушку за руку и потащил к сцене.

Играла какая-то быстрая грузинская мелодия. Под такую легко себе представить кавказские зеленые холмы и громкий праздник, когда «танцуют все». Но в этот вечер Марк и Варя были единственными танцорами. Варвара стеснялась недолго. У Марка был талант: рядом с

ним неожиданно можно было почувствовать себя легко и свободно, будто нет границ и правил. Он заражал своей уверенностью и незакомплексованностью. Конечно, на самом деле это было лишь поверхностное восприятие – думать, что он бесстрашен. Но в определенных ситуациях это было необходимое и прекрасное качество, в котором люди, такие, как Варвара Иванова, очень нуждаются. И вот, её платье уже кружилось под музыку, создавая юбкой огромное темно-зеленое солнце, выгодно подчеркивая цвет золотистых длинных распущенных волос, переливающихся в мягком вечернем свете ресторана. Варя ничего не замечала вокруг: ей было весело и легко. Марк улыбался ей, а она улыбалась Марку, и они вместе скакали, как бы сказала Варина бабушка, как кони.

А если бы Варя оглядывалась в это мгновение по сторонам, то она наверняка бы засмушалась и перестала кружиться в танце. Потому что из противоположного угла зала, у входа, за ней наблюдал молодой человек, теребя в руках пачку сигарет. Наблюдал, не смотря на то, что его звала пара парней – видимо, его друзья.

– Егор, ты идешь? – Кеша хлопнул друга по плечу.

– А? – еле слышно ответил увлеченный Егор.

– Ууу, да тут все серьезно.

– Что серьезно? – миг очарования прошел, это же миг.

– Что девушка понравилась? Идем познакомимся. – И Кеша уверенно направился в противоположную от двери сторону.

– Нет, не сегодня, – теперь Егор хлопнул Кешу по плечу. – Идем курить, брат.

– Ну, как знаешь. А девчонка, действительно хороша. И фигура, что надо... – у Кеши это прозвучало не оценивающе, а как-то мечтательно.

– Эйейей, товарищ режиссер! Вы без пяти минут женаты.

– И то правда. Тогда курить.

И Егор с Кешой под руку удалились на улицу, где моросил неприятный октябрьский дождь.

Совсем другая погода встретила Марка и Варю, когда они за полночь покинули ресторан. От мокрого асфальта исходил приятный почти неуловимый запах, больше характерный для весны или лета. Под ногами кое-где шелестели просохшие после дождя листья. Ночь стояла тихая, спокойная и теплая. А может, друзей просто согрело вино и грузинское гостеприимство.

Что касается Марка, то он вообще был в прекрасном расположении духа, и даже мороз не помешал бы ему в эту ночь орать на всю улицу «Тбилисо». Он почти не знал слов, поэтому вся песня состояла из пары повторяющихся строк и «мурлыканы». Периодически исполнитель прерывался, но не для того, чтобы горожане могли отдохнуть от ночного вокала, а чтобы отпить из бутылки, третьей или четвертой по счету, которую Марк унес из ресторана «для согреву и на посашок». Варя выпила меньше друга, и поэтому уже начала трезветь. Вместе с трезвостью к ней возвращалось и дурное настроение. Она шла рядом с Марком, периодически улыбаясь, когда он обращался к ней с рассказом о том, что жизнь прекрасна. Но это была уже не та веселая улыбка, а лишь действие губами без участия глаз.

Так они добрались домой. Марк тут же разделся до трусов и упал на диван в гостиной-кухне со словами «Варюха, спальня твоя. Я спать». Варя укрыла его пледом, и ушла в спальню. Нашла в шкафу свою пижаму, переделалась и вышла на балкон. Спальню она любила как раз за балкон и широкий подоконник, на который можно забраться с ногами. Еще с балкона открывался шикарный вид. Хозяину квартиры балкон служил курилкой, и здесь всегда можно было найти пачку сигарет, зажигалку и пепельницу из черного камня кубической формы. Такой легко прошибить человеку голову. Варя открыла окно и закурила. На улице снова моросил дождь. Еще по пути домой, она знала, что пойдет, когда Марк уснет и пойдет покурить на балкон. Она почти всегда делала это втихаря, потому что Марк ей курить не разрешал, апел-

лируя фразой «Тебе это не надо». В Варино оправдание скажем, что курила она редко. Но сейчас внутри была звенящая тишина и ей хотелось, чтобы не до конца протрезвевший мозг снова одурманился, приправленный сигаретами. Поток её сознания сейчас трудно было назвать связными мыслями. Просто человек блуждал в закоулках собственных потаенных страхов и несчастий, скрытых от окружающих днем.

В это же время в другом районе Города на балконе также накручивал на палец прядь дыма и мыслей, смотря в сырую ночь, еще один человек. Думаю, нетрудно догадаться, кто.

Глава 6

По ночам Ермаков любил учить роли. В темноте. Единственным источником света служила старая дедовская лампа, которую он выпросил у бабушки. Предмет, ассоциирующийся с партийными кабинетами и более всего с декорациями сталинской эпохи, многие годы жил в кабинете Егора Алексеевича на даче в Подмосковье. Он так же, как и внук сейчас, часами работал при отсвете стеклянного зеленого абажура на высокой ровной металлической ножке, разложив на громоздком деревянном столе бумаги: сценарии, заявления, черновики, записи.

Антикварная советская лампа совсем не вписывалась в дизайн квартиры Егора, тем самым привлекая к себе внимание. Она, как постаревшая красавица, уже не могла флиртовать с кавалерами и выбирать выгодную партию, но при этом продолжала восхищать молодых красавцев достоинством и мудростью, носящей отпечаток большой истории. Эта обычная настольная лампа не только была соратницей великого актера и театрального режиссера, она была свидетельницей, как рождались новые кумиры и легендарные спектакли, при ней рушилось и начиналось многое. И Егор взял бы её куда угодно, потому что что-то необъяснимое и родное чувствовал он в этом предмете. В его студии не было того, что принято называть письменным столом или рабочим местом, поэтому лампа кочевала за новым хозяином по квартире. А он мог то сидеть, обложившись листами на полу, то сесть за барную стойку на кухне, то уйти курить на балкон, а потом уместиться на полу там. И везде зеленый абажур, как факел, освещал сосредоточенное лицо молодого мужчины, погруженного в текст.

Егор готовился к главной роли в сериале, о котором вы, дорогой читатель, уже слышали от рассказчика. Не вдаваясь особо в сюжет, скажем, что актеров ждала приключенческая история с элементами детектива на заре советской власти, а главная героиня к 7 серии из 12 должна была окончательно и бесповоротно влюбиться в главного героя. И, как у же также было отмечено, иронией судьбы за романтический сюжет в картине отвечали бывшие супруги.

«Дура! Ты, Синицына, просто дура!» – прочитал Ермаков про себя, а затем вслух. Он сидел на полу на балконе с сигаретой в правой руке и пачкой листов в левой, остальная часть сценария лежала рядом у его ног. За ухом у актера торчал простой карандаш, которым он время от времени делал заметки на полях или между строк. «Дура! Ты, Синицына, просто дура! Какого черта ты поперлась туда одна? Кто тебя просил?!» – вполголоса Егор перебирал разные интонации, как вокалист, подбирающий верную тональность. Пепел с дотлевшей сигареты упал на лист сценария. Егор сдул его, отправил окурочек в пепельницу, обычную жестяную банку из-под консервированного зеленого горошка, потом положил страницы и стал шарить рукой по полу, ища пачку сигарет. Она оказалось пуста. Тогда он встал и вышел на кухню. Блоки сигарет Ермаков всегда хранил в духовом шкафу, которым никогда не пользовался. Достав новую пачку, он возвратился на прежнее место работы. Но не вернулся к работе, а закурил, открыв настежь окно. Вдохнул полной грудью поток холодного мокрого воздуха и заорал на всю округу: «Дура, ты, Синицына, дура!». Он нарочно протянул последнее «а», и оно эхом влетело в балконное окно. А потом захохотал. Приступ смеха быстро его отпустил, и он посмотрел в ту же пустоту уже совсем иным взглядом, не заторопным и насмешливым, а усталым и грустно-ироничным. Будто там в темноте стояла та самая, которой он кричал «Дура!».

«Или я дурак, – уже тихо и спокойно продолжал Ермаков сам с собой. – Может не надо было нам расставаться, а может не надо было нам и жениться. Хорошо было в 20-ть лет. Я вот все знал про эту жизнь. Я знал, кому и как надо жить. Плохо – хорошо. Герои и подонки. Все было просто и понятно. Легко было. А теперь, чем дольше живу, тем меньше понимаю. Когда пытаюсь разобраться, голова идет кругом, и хочется нырнуть глубоко-глубоко и вынырнуть в другом месте. Отчего же так хреново-то все? – он посмотрел в небо и крикнул в высь – Эй, отчего все так хреново? В жизни? В стране? Молчите.»

Ермаков сделал последнюю затяжку и бросил окурок вниз с балкона. Потом провел пальцами по волосам, которые стали такими же влажными и холодными, как улица. Закрыв окно. Снова сел на пол, продолжив читать: «Герой стучит кулаком по столу, а затем нервно ходит по комнате».

Около четырех утра Ермаков решил: пора спать. В семь приедет машина на площадку. Первый съемочный день на натуре в Подмоскowie. В дороге он вздремнет или почитает сцену. «Да, надо спать», – мысленно констатировал Егор.

Минут пятнадцать он крутился в кровати, но не мог уснуть. Тогда Ермаков встал, и снова пошел на кухню. Достал из холодильника початую бутылку иностранной водки. Залпом выпил стопку, потом еще одну. Отправил бутылку обратно в холодильник. Вернулся в кровать, и провалился в сновидения. Проверенный последними месяцами способ работал безотказно.

Глава 7

Сон Вари был крепок, но короток. Когда она проснулась, Звонарёв мирно сопел там же, где она его оставила ночью. Сопел на фоне «живописного бардака»: грязной плиты, горы невымытой посуды, разбросанной повсюду одежды в том состоянии, в каком она была снята. Благо, Марк всегда спал так, что можно было хоть с включенным пылесосом над ухом стоять – не проснется.

К моменту просыпновения хозяина квартиры выглядела совсем иначе. В доме царил мир и уют, как пишут в глянцевых журналах или женских романах, или. Где-то точно так пишут. Кроме уборки, Варя успела приготовить завтрак и запустить стиральную машину.

– Доброе утро, Варюха, – радостно заявила голова с мятым лицом и взъерошенными темными волосами. – О, еда! – улыбаясь сказал Марк, сползая с дивана.

Он уже пересек кухню и потянул руку к тарелке с сырниками, стоящей на столе. Но Варя опередила его, хлопнув по протянутой руке.

– Думаю, сначала душ? А я пока кофе сварю.

– Я буду эспрессо, – торжественно заявил Марк, удаляясь в ванну и посылая Варваре воздушный поцелуй.

– Я в курсе – бодрость друга подняла Варю настроение. Она тоже заулыбалась.

За ночь погода резко поменялась. В лужах отражалось яркое солнце, заигрывающее с золотистой листвой. Оно пробивалось в окно, бегая «зайчиками» по глянцевой поверхности черного кухонного стола. Марк один за другим уплетал сырники. Каждый кусочек он макал в сгущенку, и лишь после этого отправлял в рот. Порция сгущенки была заботливо налита Варварой в розетку. Конечно, если бы Звонарёв ел один, сырники он макал бы прямо в банку. Правда, один он вряд ли бы ел сырники. Варя сидела напротив него, забравшись на стул с ногами, поджав колени, а локоть поставив на край подоконника. В правой руке у неё была белая большая чашка с капучино. Варя не любила чашки с темным дном и специально купила себе «свою чашку», потому что у Марка вся посуда была черная. Она прекрасно считалась с лофтовым дизайном квартиры.

– Варюха, а от...уда у нас ...орог? – спросил Марк, прожевывая очередной сырник. По губе у него стекала капелька сгущенки.

– Сама в шоке, Звонарёв. Но у тебя в холодильнике наблюдаются продукты – Варя демонстративно выпучила глаза и вскинула вверх брови.

– Наверное был в магазине, – задумчиво произнес Звонарёв, будто вспоминал был он там или нет.

– Наверное, – Варя отпила кофе, и посмотрела в окно, подставляя лицо утреннему солнцу.

Добродушное солнце тут же заиграло в волнах её длинных светлых волос. Она стала жмуриться. Потом повернулась обратно к собеседнику, и заметила, что Марк просто сидит и улыбается, какой-то блаженной миролюбивой улыбкой. Варя поймала себя на мысли, что никогда не видела у Звонарёва такого выражения лица. Такого спокойного, такого доброго. Выражения счастья.

– Все хорошо? – озадаченно спросила Варя.

– Да. – удивленно ответил Марк, отпивая черный кофе из небольшой черной чашки с выбитыми инициалами «МЗ». – Почему ты спрашиваешь?

– Да так, ничего... Наелся? – Варя поспешила сменить тему и вернуть беседу в «милую» тональность.

– Более чем, – Марк облокотился на спинку стула, потягиваясь. – Спасибо, тебе огромное, Варюха. Все таки очень хорошо, что хотя бы одна женщина в моей жизни умеет готовить.

– Чтобы женщины умели готовить, их надо искать не тем местом, – саркастически отпустила Варвара, убирая со стола.

– Зануда, – отпарировал Марк. – Я хочу, чтобы она была прекрасна во всем.

– А еще желательно, чтобы имела кроткий нрав и слушалась мужа.

Марк засмеялся. Варвара улыбнулась краешками губ, убирая грязную посуду в посудомоечную машину.

– Брось ты её, – сказал Марк, указывая на посуду, – я потом запущу.

– Забудешь, – вздыхая ответила Варя.

– Это да, – согласился Марк. Он уже успел перебраться из-за стола на диван «завязывать жирок» и щелкать каналами телевизора. – Варюха, а поехали сегодня гулять.

– Гулять?

– Гулять. Погода хорошая! Съездим куда-нибудь.

– Я думала сегодня поработать... – неуверенно сказала Варя.

– Работа – не волк. Поехали. Одевайся.

С этими словами Марк вскочил с дивана и убежал в спальню, оттуда донесся хлопок балконной двери. «Пошел курить», – подумала Варя, удаляясь в ванну собираться на прогулку.

Глава 8

Варя шелестела по парковой аллее, смотря себе под ноги. Это было так из детства: шелестеть листьями. Когда Варвара была маленькой девочкой, бабушка каждую осень водила её в парк собирать желуди на поделки и шуршать. Парк был не такой большой, как тот, по которому они с Марком шли сейчас. Но он был также стар, только деревья тогда были гораздо выше, тропки таинственнее, а восхищение и радость чище.

«Вот бы сейчас также легко, как в детстве», – подумала Варя. Она резко свернула с асфальтированной дорожки, перескочила через маленький бордюр и побежала в глубь поляны, устланной разноцветным живым ковром. Варвара набрала огромную пригоршню листьев и подкинула их вверх, немного подпрыгнув вместе с «салютом». А потом стояла, запрокинув голову вверх, наблюдая, как листья один за другим парят в воздухе. Когда листопад закончился, она подкинула вверх новую партию. Марк наблюдал за действием со стороны.

– Иванова, у тебя, что детство в одном месте играет? – Марк не злился. Но было бы странно, если бы он сказал в данной ситуации что-то другое или бросился также играть листьями.

– Ага, – ответила Иванова блаженно улыбаясь, как ребенок, которому подарили заветную игрушку. – Смотри, как красиво! – и она снова подбросила листву к небу. Марк только ухмыльнулся.

– Смотри. У тебя появились последователи, – Звонарёв показывал рукой в сторону: неподалеку от Варвары девочка и мальчик лет 5–6 начали проделывать тоже самое, что и она.

Варвара побежала к Марку, загребая еще не до конца просохшую листву кончиками ботинок, из-за чего обувь покрылась капельками влаги, а к подошвам прилипли комочки земли.

– Детский сад, Иванова. Вот кому расскажи, не поверят же, что ты вот такое творишь, – Марк вынул из Вариных волос маленький желтый листик. – Все же видят тебя серьезной, правильной такой. А ты вон...

– Гордись, Звонарёв. Ты владеешь секретной информацией, – перебила его Варя.

Они снова шли по алее, с которой мужчины и женщины в оранжевой униформе активно сметали листву. Какое-то время за их спинами еще доносился детский смех. Но, чем дальше они уходили от поляны, тем тише он становился, а после и вовсе исчез. Марк и Варя свернули в сторону с центральной дороги, и теперь шли уже по совсем безлюдной тропе. Высоко-высоко шуршали верхушки тополей и кленов. Колыхаясь от легкого ветерка, они задевали друг друга ветками.

По узкой аллейке шел довольно своеобразный дуэт. Девушка в короткой стеганой куртке темно-синего цвета, из-под которой выглядывал край клочатой рубашки того же тона, и джинсах, заправленных в темно-серые ботинки. Через плечо у Вари висела маленькая сумочка то ли серого, то ли черного цвета. А может раньше она была черной, но годы изменили её оттенок. Рядом шел Марк, не торопясь, легко и спокойно опуская на асфальт туфли каштанового цвета на толстой подошве. Они были так искусно начищены, что казалось в них можно увидеть собственное отражение. Туфли прекрасно сочетались с слегка зауженными брюками из тонкой темно-темно-коричневой шерсти, почти черной. Довершал образ двубортный черный плащ. Горло молодого человека закрывал ворот черной водолазки.

Здесь стоит сделать небольшое отступление. Марк мог неделями жить в неубранной квартире с пустым холодильником. Потом, правда, устроить генеральную уборку, вызвав клининговую службу. Но Марк никогда не выходил из дома в мятых брюках или грязной обуви. Познав лет в 14 великое влияние опрятного вида на женскую половину человечества, он всегда внимательно следил за тем, что живет в его шкафу. И надо отдать Звонарёву должное, он умел

не только правильно сочетать вещи, полагаясь на природное чутье, но и носить их. Педантичность в одежде дополняла еще одну отличительную черту Марка – умение располагать к себе людей. Он нравился людям любого возраста, мужчинам и женщинам. Каким-то чудеснейшим образом этот парень, отчасти плохо представляющий реальную жизнь, мог найти общий язык и с ребенком, и со стариком, открывая двери в прямом и переносном смысле. Тем самым он внушал уверенность людям, находящимся рядом с ним.

Варя часто комплексовала, осознавая свое несоответствие внешнему виду друга. Порою ему приходилось буквально силой, затаскивать её в модный ресторан или бар. Особенно Варвара не любила, заходить с Марком в бутики, когда он неожиданно вспоминал, что ему, например, нужны носки, за стоимость которых можно неделю питаться комплексными обедами в столовой. Она предпочитала пойти искать в торговом центре Макдональдс, чтобы купить кофе, или просто посидеть на скамейке в холе, лишь бы туда не ходить. Конечно, были и дни, когда Иванову забавляли завистливые или откровенно злобные взгляды проходящих мимо девушек, не понимающих, что такой фронт нашел в столь простой девице.

Совсем другое дело было вот так гулять в парке в совсем недурном настроении, как сейчас. Варя искренне радовалась солнечному дню, пытаясь отстраниться от всех проблем. Какое-то время они шагали абсолютно безмолвно, беседуя молча сами с собой, а может и вовсе ни о чем не думая. Уединенная дорожка закончилась, снова выведя их в оживленную часть парка. На детской площадке звенела ребячья, мамочки с колясками прогуливались, чирикавая между собой, пенсионеры на скамейках грелись в солнечных лучах, обсуждая новости и родственников. Варя и Марк свернули в сторону пруда: оба очень любили смотреть на воду.

– Жаль, хлеба не взяли, – сказала Варя, глядя на уток, плавающих в пруду.

Шагах в десяти от них девочка кормила птиц булкой. Девчушка будто сошла с обложки журнала для мам. Голубое пальто с юбкой-колокольчик, белые колготки и белоснежные кудри, обрамляющие белый берет. «Так близко к краю стоит», – подумала Варя. И в эту самую минуту мимо девчушки пронеслись двое подростков на велосипедах. Она обернулась на них, потеряла равновесие и начала падать спиной в воду.

– Лови! – заорала Варя и бросилась к ребенку.

Марк моментально среагировал на крик. В два счета преодолел расстояние до девочки и в последнюю минуту подхватил её на руки, упав на колени. Два огромных голубых испуганных глаза смотрели на него из-под длинных ресниц. Сам Звонарёв учащенно дышал, смотря на девочку в упор.

– Испугалась? – спросил Марк, придавая голосу добродушные нотки. Девочка утвердительно закивала. – Ты только не реви. Ладно?

– Не буду, – ответил серьезный ребенок. – Спасибо.

– А где твои родители? – это уже спросила подбежавшая Варя.

– Я с бабушкой. Бабушка вон там, – и девочка показала на скамейку метрах в 100 от пруда.

Звонарёв поставил ребенка на землю, поднялся с колен и отряхнул испачканные брюки. Теперь на них виднелись следы падения. Затем Марк взял девочку за руку и скомандовал: «Идем к бабушке». Варя последовала за ними. По дороге выяснилось, что «пострадавшую» зовут Маруся и ей 7 лет. А еще она любит кормить уток, и бабушка водит её в парк каждые выходные. Кроме этого, Маруся успела отметить, что мальчишки на велосипедах дураки. Марк с ней согласился и даже пообещал последних наказать, если те ему попадутся. Ждать долго не пришлось. Пока Марк вручал внучку бабушке, которая все время ЧП мило беседовала с подругой, сидя на скамейке, и даже пыталась сначала выругать Марусю за испачканные колготки, двое экстрималов снова пронеслись мимо, в этот раз чуть не снеся с ног девушку с коляской. Тогда Звонарёв сказал двум пожилым дамам: «Прошу прощения. Я сейчас».

Он быстро срезал дорогу через детскую площадку и буквально вырос перед мальчишками с другой стороны площади. Что Звонарёв говорил хулиганам, конечно, слышно не было. Но через несколько минут они подошли к уже знакомой нам группе дам. Парни попросили прощения сначала у Маруси, потом у Марусиной бабушки. И, только получив одобрительный взгляд Звонарёва, убрались прочь.

Получив порцию благодарности от старушек, конечно особенно в адрес Марка, ведь таких «молодых людей в наше время уже и не встретишь», друзья возвращались на парковку.

– А что ты им сказал? – любопытствовала Варвара.

– Что так нехорошо поступать, – улыбаясь ответил Марк.

– Ну, я же серьезно.

– Тебе это знать необязательно.

– А если мне тоже придется такое говорить?

– Не придется.

– Почему?!

– Ты слов таких не знаешь. И потом, оставь подобные разговоры мужчинам.

– Мужчин еще найти надо... – Варя села в черный гелинтваген. Марк уже заводил мотор.

– Ну, это, дорогая моя, уже твоя проблема. – Марк продолжал разговор, выезжая с парковки. – В любом случае, у тебя всегда есть я. – Звонарёв изобразил голливудскую улыбку в 32 белоснежных зуба, которая неизменно гласила «Я красавчик».

– Спасибо, – саркастически отпустила Варвара.

Несколько минут они ехали в тишине, которую прервала Варя.

– Из тебя получится хороший отец.

– С чего ты взяла? – Марк опустил окно и закурил любимые «Moods».

– Ты хорошо ладишь с детьми. При этом ты с ними не сюсюкаешь. И, мне кажется, ты можешь собственным примером их научить правильным вещам.

– Ты преувеличиваешь.

– Но ты ведь мог и не вставлять по первое число этим пацанам. И тем не менее, ты это сделал.

– Да, я такой ох...й – констатировал весело Марк, докуривая сигариллу.

Варя ухмыльнулась, пропустив мат мимо ушей.

– Я, Варюха, пока не готов к отцовству. Одно дело чужие дети, а другое – свои.

Марк поддал газу, и мерседес рванул прямо в алое закатное небо.

– Вам, мужикам, хорошо рассуждать. Вам торопиться некуда. – продолжала Варя. – Не надо считать жизнь. Можно стать папой и в 20, и в 60.

– Знаешь ли, прогресс пошел так далеко, что у нас и мамами в 50 становятся.

– По-моему это противоестественно.

– Как знать, как знать. Тебе пока нервничать все равно рано. Какие твои годы. А вот секс здоровья для не помешал бы.

– Кто о чем, – Варя закатила глаза. – Возраст странная штука. С одной стороны, кажется, что все еще впереди. А с другой... Мы ведь, например, уже никогда не будем молодыми родителями. У нас с нашими детьми будет разница лет 30, плюс-минус, а может и больше. И это будет совсем другое общение. Меня вот мама родила в 18.

– А меня в 22. Какая разница? Хотя... Ты в чем-то, пожалуй, права. Я об этом как-то не думал.

– В твоём мире нет этих тем, – констатировала Варвара, рассмешив Марка.

– Зато ты так много думаешь, Иванова. А вот думала меньше бы иногда, может и жила бы проще.

– Может быть.

Забегая вперед, скажу, что довольно скоро судьба предоставит Марку случай проверить теорию Варвары по поводу его отцовства. А пока...

«Небо-о-о-о... таким тихим голосом нас зовет» – раздался голос солиста «UMA2Rman» из радиоприемника, который включил Марк.

Он будет обычным, тот же мир за стеклом.
В тот день, когда все мы исчезнем с радаров.
Он будет солнечным и теплый циклон.
Наконец поползет до нас из Краснодара.

И кто белыми нитками все это шьет.
Куда тропинка ведет, понял конечно я.
А из динамиков кто-то тихо шепнет.
Поезд дальше не идет... Конечная.

Глава 9

Пропустим первые съемочные дни Егора в новом проекте. Каждый из них был похож на предыдущий: машина, площадка, снова машина, дом. Ничего интересного. Иногда в этой однообразной суете появлялся театр и спектакль, тогда были еще зал, зритель, аншлаг, аплодисменты, а после такси и дом.

Вам наверно интересно, как Ермаков поладил на съемочной площадке с бывшей супругой. Но и здесь не случилось ничего необычного. Вне работы они не общались. А в рабочие часы вели себя, говоря избитой фразой, как интеллигентные взрослые люди. Все шло гладко и аккуратно до того дня, с которого и продолжим повествование.

Как это часто бывает, в начале ноября съемочная группа отправилась снимать в один северный древний город теплую солнечную весну. Накануне у Егора был спектакль, и он летел отдельно, догоняя уже уехавших поездом киношников. Летать Ермаков не любил, поэтому в самолетах обычно спал. Этот перелет был недолгий, и ему удалось вздремнуть от силы полчаса-час. К тому же, Ермакову попался тучный сосед с амбре вчерашнего застолья. Учитывая, что Егор и так прибывал не в лучшем расположении духа, ночной перелет, или точнее сказать ранний, никак не добавил ему бодрости и хорошего настроения. С трапа в рассветном тумане спускался хмурый, под стать небу принимающего города, молодой мужчина в черных очках, в мятой толстовке темно-зеленого цвета и в не более свежих темно-синих джинсах. Довершал образ теплый дутий черный жилет и кожаная сумка-баул. Эта потертая бесформенная сумка служила Ермакову дорожным чемоданом на все случаи жизни.

Дорогу из аэропорта в гостиницу Егор молчал и курил «Dunhill: Fine Cut Blue», уставившись на пустые улицы, которые еще освещали ночные фонари. На местной волне Фредди Меркьюри пел эпичную «The Show Must Go On». Когда Ермаков прибыл в гостиницу, до смены оставалось не более двух часов. Часть этого времени он потратил на душ, оставшееся предполагалось для сна. Но уснуть не удалось. Поэтому на завтрак Егор спустился раньше всех. Взял двойную порцию американо и удалился курить во внутренний дворик.

Гостиница располагалась в старом особняке, плотно прижимающемся двумя боками к домам-соседям. В небольшом дворике-колодце не было слышно шума просыпающегося проспекта, на который выходил главный вход. Для Егора же его прелесть заключалась еще и в безлюдности. В 7 утра, да еще и в ноябре, не многие желали пить кофе на свежем воздухе. Но для таких, как он, хозяева заботливо предусмотрели пару маленьких круглых сто-ликов и стульев с изогнутыми спинками из тонких прутьев. Все предметы были сделаны из какого-то нержавеющей металла и покрашены в медный цвет. Эта мебель больше напоминала памятник, современную инсталляцию, нежели предмет быта. Кое-где на предметах виднелись потертости, свидетельствующие о давности их прибывания здесь. Администратор, увидя на улице раннего посетителя, вынесла плед. В благодарность Егор молча улыбнулся ей, не снимая черных очков.

Послевкусие каждого глотка кофе он усиливал привкусом табака. Вместе они создавали немного дурманящую смесь. Облокотившись на спинку металлического стула, наклонив голову назад, так что по шее пробежали мурашки от холодного металла, Егор прикрыл глаза под черными очками. Он не спал. Слушал тишину. Хотелось найти ту точку, когда уставший организм перерождается и готов на адреналине прожить еще несколько часов, совершая в эйфории, казалось бы, невозможное.

«Как оказывается бывает хорошо, вот так просто сидеть, – думал Егор. – Просто сидишь, слушая, как шелестит листок в такт твоему дыханию. Он как человек, набирает полную грудь воздуха, чтобы воспарить. Тихо-тихо поднимается выше и выше. И ему так легко. Он летит над городом, лавируя между домами, и видит нас всех, маленьких людей. А потом падает вниз,

потому что вечно летать невозможно: теряешь свой поток. И вот, когда упал, тебя либо придавит чья-то грязная подошва, либо ты успеешь снова поймать попутный ветер».

Егор почувствовал, как проваливается в сон, и встряхнул резко головой. Выпил последний глоток кофе из чашки и снова закурил. Держа между пальцами правой руки сигарету, он стал энергично ходить туда-сюда. Потом изобразил что-то вроде бега на месте и завершил «зарядку» махами рук. Кровь прилила к голове, и Ермаков почувствовал себя бодрее.

Через несколько часов в костюме и гриме он наблюдал обычную предсъёмочную суету. Чтобы создать солнце, пришлось пригнать в парк старинной усадьбы много света. Пока осветители настраивали «солнечные лучи», дворники усердно сметали с площадки осенью листву, совершенно не вписывающуюся в весеннюю картину кадра. Задачу чистки усложняли провода, струящиеся по асфальту черными змейками без начала и конца. Все суетились, что-то кричали и куда-то неслись. Режиссер отчаянно жестикулировала, что-то объясняя оператору. Казалось, только Ермаков стоит без дела, наблюдая это действие со стороны.

– Давай пройдем сцену, – неожиданно раздался у него за спиной знакомый голос.

– Давай, – ответил он бывшей жене.

Они репетировали. Потом снимали. И снова репетировали. Где-то между репетициями и съемками случился обед. Так 13 часов к ряду. В итоге, к полуночи группа вернулась из области в город.

Егор хотел закрыться в номере и наконец-то выспаться. Завтра планировали доснять еще пару сцен и вылететь домой. Но подлый сон снова посмеялся над ним. Тогда Ермаков спустился в бар, взял стакан виски и вышел в уже знакомый нам дворик. Однако, к его удивлению, место уединения на сей раз оказалось занято. Аня... Если читатель забыл, напомним, что Анна Дубровская – бывшая жена нашего героя. Так вот, Аня, закутавшись в темно-бордовый плед, сидела на том самом месте, где утром Егор искал силы для нового дня. Указательным пальцем левой руки она обводила край наполовину пустого винного бокала.

– Не помешаю? – спросил Егор.

– Нет, – Аня махнула головой в сторону стула напротив.

Егор сел. Сделал глоток виски. Аня отпила вина. Повисла пауза. Каждый смотрел в свой бокал, разглядывая его так, словно это магический кубок, в котором сейчас откроется сказочный портал. Ермаков первым поднял голову.

Дворик освещался несколькими фонариками «под старину», свисавшими со стены здания. Аня сидела, правильно попадая в контровой свет. Темно-русые волосы средней длины кольцами падали на плечи, обрамляя тонкую шею. Из-под пледа выглядывали кончики маленьких худых пальчиков с естественным маникюром. Линия тонких губ прекрасно сочеталась с аккуратным носиком и бровками-ниточками. Егор знал каждую черту этого лица, знал, что под одеждой и пледом скрывается осиная талия и хрупкие плечи. Знал, что эти русые волосы всегда загадочно пахнут ромашками, а если провести ладонью по шее, то ощутишь бархат светлой кожи. «Устала?» – спросил Ермаков, чтобы заставить Аню поднять глаза. Она тут же взмахнула ресницами, явив иссиня-серые глаза, и кротко посмотрела на него.

– Устала, – тихо сказала Дубровская.

– Все в порядке? – Егор хорошо знал, что просто так Аня молчаливой не бывает.

– Я... – Дубровская начала комкать пальцами края пледа, потупив взгляд. – Я... – Аня резко подняла голову и посмотрела на Егора в упор. – Егор, у меня ничего не получается. Мне кажется, это будет провал, – на слове «провал» актриса зарыдала.

Для Егора такой поворот сюжета был неожиданностью. Он тяжело вздохнул. Залпом выпил оставшийся виски. Встал и сел перед Аней на колени. Её худенькое личико легко умещалось в мужских руках.

– Ну, что ты придумываешь, – говорил Ермаков, вытирая слезы с женского лица. – Ничего не плохо. Хорошо все идет. Материал нормальный. Не напрашивайся на комплименты.

– Нет, я переигрываю. Я видела! – Аня приближалась к истерике.

– Посмотри на меня, – Егор двумя руками поднял зареванное лицо. – Ты – хорошая актриса. Это твоя роль. Мы оба знаем, что ты многое можешь, если захочешь. А ты ведь хочешь? – Аня утвердительно покачала головой. – Вот. И потом, если бы ты плохо играла, тебя бы здесь не было. И...

Ермаков резко замолчал, и совершил абсолютно незапланированное действие. Но когда на тебя смотрят заплаканные, испуганные глаза не совсем безразличной, не совсем чужой и совсем симпатичной барышни, такой исход вполне очевиден. Чем дольше он целовал её, тем больше ему хотелось. Он не мог сказать дышит или нет, думает или нет. И, черт возьми, ему нравилось падать в эту пропасть в тумане. В этом тумане он протащил её за руку до своего номера, лишь изредка оглядываясь, чтобы не попасться кому-нибудь из коллег.

Туман не рассеялся даже утром, когда просыпающийся Ермаков коснулся кончиком носа обнаженного женского плеча, провел им вдоль шеи и уткнулся в волосы пахнущие ромашками. Перевернулся на другой бок и подумал: «Как же хорошо, Господи! Как хорошо!». «О, Боже, только не это!» – подумала лежащая рядом с ним девушка.

Глава 10

– 28 июня 1762 года в Российской Империи произошел двойной переворот, в следствии которого на престол взошла Екатерина Вторая. Тем самым, она отобрала власть у своего мужа, императора Петра Третьего, и не передала её своему сыну Павлу, законному наследнику престола.

Спокойный, ровный голос Варвары раздавался в тишине аудитории. Передвигаясь между рядами парт, она рассказывала историю принцессы Ангальт-Цербстской, будущей императрицы Екатерины Великой, без единого листа напечатанного текста. Этим Варя каждый раз восхищала студентов и заслуживала их уважительное внимание. Она была одним из тех преподавателей, к которым на пары ходят не по необходимости, а по желанию.

За окнами аудитории на Город опускались сумерки. Сырые и неприятные. Было слышно, как по откосам тарабанит дождь. Там, там, тада-да-дам. Там, там, тада-да-дам.

Для Вари общение со студентами было единственным состоянием, в котором мозг переключался в другой режим. Только здесь и сейчас. Удивительным образом, для самой себя, она абстрагировалась от реального мира, попадая в рамки аудитории, и начинала жить иными страстями. Её захватывал восторг. Здесь из зануды, надоедающей своим умничаньем, как ей казалось, она превращалась в источник информации, интересного собеседника, с которым хотят говорить. Расслабиться и получать удовольствие становилось легкой задачей. Когда человек следует за своей страстью, занимается тем, что занимает его всего, тогда даже трудности приносят наслаждение.

– Варвара Николаевна, можно вопрос?

– Да, Иван.

– Как вы думаете, Петр Третий действительно был таким шизиком?

Варя ухмыльнулась.

– Основные сведения о Петре содержатся в мемуарах его супруги. Как вы понимаете, это весьма субъективные записи, – по аудитории прокатился смешок. – Если верить Екатерине Алексеевне, то она была самой прилежной женой и несчастной женщиной. Она утверждала, что причиной семейного разлада был исключительно её супруг, не скрывающий своего холодного отношения к ней. Спальню для Екатерины муж превращал в плац, устраивая строевую подготовку. Мы с вами также прекрасно знаем легенду относительно отцовства Петра и появления Павла Петровича. Однако, свечку никто не держал. И это, на самом деле вопрос второго порядка. Павел был признан официально. А история соslagательного наклонения не терпит. Давайте посмотрим на биографию Петра Третьего под другим углом. Мальчишка подростка отрывают от семьи, привозят в чужую страну. Его заставляют учить чужой язык и принять чужую веру. Он оказывается один в чуждой ему среде, где все не его. Он в этом не рос. Это не его традиции, не его народ. Он их не понимает. А его готовят стать их царем-батюшкой. Вам бы понравилось, если бы вас в 14 лет вырвали с корнем и пересадили в другой огород? Его самой большой ошибкой было посягательство на армию. Он, по-видимому, был все таки человеком недалеким. Потому что анализирующий и думающий человек, такой как мы с вами, – на этих словах Варя улыбнулась аудитории, – понял бы: армия стоит во главе всех государственных переворотов России, армия – фундамент монархии. Кто возвел Екатерину в итоге на престол? А откуда берет начало русская гвардия? Из потешного полка Петра Первого. Петр Третий видел историю России по верхам, но не мог понять её изнутри, то что называют «загадочной русской душой». Эта загадочная русская душа может отвергнуть свободу и возвеличить тирана. И забирать победу, вырванную с потом и кровью, у такого народа, конечно нельзя. Нельзя отдавать земли, завоеванные в Семилетней войне. Однако, одновременно с этим Петр пытался заложить основы свободной торговли – Указ о свободе внешней торговли, способ-

ствовал развитию промышленности и экономики – Указ о сибирских парусных фабриках, а еще Манифест о вольности дворянства, разрешавший им свободный выезд из страны, прекращение преследований старообрядцев, как предтеча свободы вероисповедания, ликвидация Тайной канцелярии. Он планировал денежную реформу. Есть предположение, что после вольности дворянства, он бы даровал свободу крестьянам. Кстати, был еще Указ о пожизненной ссылке за убийства крестьянина... Но! Посвятить на веру и армию было нельзя. Забери у русского мужика веру, и что от него останется. Многое из того, что придумал Петр и что его жена ругала, она потом же, иными словами переписав, реализовала. Мы многого с вами не знаем и, вполне возможно, никогда не узнаем. Подходить к историческим персонажам однозначно и категорично – дело неблагодарное. Петру не надо было быть императором в России, потому что нельзя править страной, которую ты не понимаешь. Все мы родом из детства.

– Но ведь Екатерина тоже была немкой, – перебил Варю девичий голос.

– Да. Но она каким-то чудом смогла стать русской. Или не чудом. В отличии от Петра, как мне кажется, для Фике переезд в Россию не был такой большой трагедией. Да, она также оказалась одинока. Но из небогатой семьи она попала в роскошь дворцов. Статус Великой княгини, при всех но, все же отличался от статуса принцессы, живущей в европейской провинции. Дома принцесса сама себе чулки штопала. Да и отношения с матерью, по всей видимости, у Фике были не самыми лучшими. И образование, жажда знаний, в которой Екатерине не откажешь. Не давайте женщине читать – однажды она начнет думать!

Прозвенел звонок.

– Товарищи, на этом все. Увидимся на следующей неделе на семинаре. Готовим доклады о выбранных персонажах.

Через несколько минут аудитория опустела. Варя собрала свои вещи с письменного стола, выключила свет и, подхватив на левую руку пальто, вышла. Она спускалась по лестнице, когда услышала за спиной знакомый мужской голос: «Варвара Николавна, подождите». Варя спустилась еще на пару ступенек, до следующего пролета, и остановилась.

– Здравствуйте, Илья Аркадьевич, – шуточно сказала Варвара.

– Привет, Варя. – Илья улыбнулся. – Слушай, тут такое дело. Короче, у меня есть два билета на спектакль в Театре наций. Пойдешь? Не могу найти компанию. У всех какие-то дела.

– А когда, в какой день?

– В среду.

– В среду у меня пары заканчиваются в 17:30, – начала размышлять Варя.

– Спектакль в семь, – тут же подхватил Илья. – Успеем.

– Хорошо, пойдём, – легко согласилась Варя. – Прости, мне надо бежать. Надо успеть на электричку. – и Варя побежала вниз, быстро перебирая ступеньки и смотря на часы. «До среды», – донеслось ей в след.

Чаще всего человек не замечает значимых событий, и они происходят вот так, мимоходом. Хотя... значимость событий – штука относительная. Не будем решать за героев важность моментов, а положимся на время, которое, как известно, расставляет все на свои места.

Варвара наблюдала, как в вагонном окне пробегают полустанки, лесопосадки и березовые рощи, совсем не думая о том, что её мужчина пригласил в театр. Она все еще размышляла о Екатерине и Петре – это Варя называла «последлекционная рефлексия» – и немного о семье. Варя ехала домой. С периодичностью в несколько недель она посещала родные пенаты, выслушивала жалобы мамы, сестры, бабушки, смотрела новые работы отца и снова уезжала.

Почти неотпливаемый вагон заставлял Варю зябнуть. Она кутала холодный нос в шарф, а руки скрестила на груди, чтобы было теплее. От неудобных твердых скамеек быстро начинала болеть поясница и давала о себе знать вечерняя усталость. Варя включила музыку в наушниках, облокотилась правым виском об оконную раму и закрыла глаза. Окутанная «Боксерским

вальсом» группы «Мумий Тролль» она уплыла. Дремала под стук колес, попадающих в такт мелодии. Тыш-тыдыш-тыдыш-тыдыш. Когда заиграл следующий трек, Варя уже крепко спала.

Поздно вечером электричка прибыла на конечную станцию, выгнав Варю на продрогший перон. Так уж повелось, что в провинциальных городах день заканчивается рано. Так что, домой Варя шла по пустой улице, и даже шум машин почти не нарушал вечернего безмолвия маленького городка. Порывы ветра срывали с деревьев мокрую листву, и она прибилась к такому же мокрому асфальту. Но настоящая буря ждала Варвару дома. Так бывает: стоит человеку поймать равновесие, как судьба тут же окатывает его ушатом холодной воды, мол не расслабляйся.

«Зачем ты взяла деньги?!» – раздался из комнаты мамин голос, как только Варя переступила порог старой трешки, которая когда-то считалась, говоря современным языком, блатной: высокие потолки, большие комнаты, отдельный санузел. Дверь ей открыла печальная бабушка. Хотя нет, Варина бабушка не бывала печальной. Назовем, лучше, это выражение лица обреченностью. С таким лицом сообщают о падении государственного строя или произносят речь поминальную речь в колонном зале Дома Союзов. «Не брала я их! Почему я всегда во всем виновата?!» – это уже кричала сестра Кира.

В комнате, которую у нас в народе принято называть «большая» или, на современный манер, «гостиная», Варю ждала следующая картина: отец сидел в кресле, опустив голову в ладони и потупя взор, мама и Кира стояли посередине, крича друг на друга. В дверях теперь стояла Варя, а за её спиной – бабушка.

– Что случилось? – спокойно спросила Варвара уставшим голосом, понимая, что пятничный вечер спокойным не будет.

– Твоя сестра зачем-то взяла у матери деньги и не признается, куда потратила, – раздался за спиной Вари бабушкин недовольный язвительный тон.

– Какие деньги? – все в той же манере продолжала Варвара.

– Деньги отложенные на море! – пояснила разозленная мать. – Между прочим, на её же каникулы! – это уже Александра Сергеевна адресовала младшей дочери. – Господи, в кои-то веки захотела нормального отпуска! – тон мамы сменился со злого на страдальческий. В этот момент Кира продолжала что-то причитать, почти плача.

– Кира, зачем ты взяла деньги? – продолжала допрос Варя.

– Да не брала я их! – заорал обиженный подросток.

– Тогда где они? – снова вступила мама.

– Мама, почему ты решила, что это она их взяла? – спросила Варвара.

– А кто? Бабушка не брала, отец тоже. Больше никому! – мама развела руками.

– Может ты их сама переложила куда-то? – уточнила Варя, заранее зная, что напрасно.

– По-твоему я не проверила бы?! Я все облазила. Их нигде нет! – с этими словами мама вышла из комнаты. Из коридора донеслось. – Прощай, отпуск.

Кира удалилась в свою комнату, бормоча «Конечно, Кира! Кто взял? Кира!». Отец поднял голову и сменил точку обзора на телевизор.

– Пойдем пить чай, – сказала бабушка, дотронувшись до Вариного плеча. – Есть будешь?

Выходные Вари потерпели полное фиаско, не начавшись. Два суток ей пришлось провести в напряженном коллективном молчании всех членов семьи и выслушивании жалоб каждого её представителя в отдельности. «Вечно у твоей матери все не Слава Богу. А потому, что ребенка надо воспитывать. Она вон шляется на улице с утра до вечера. Раньше хоть какой-то контроль над ней был, а теперь вообще сама себе предоставлена» – говорила бабушка Екатерина Алексеевна. Да, полная тезка российской императрицы, ибо у неё еще и фамилия была Романова. За это, и не только за это, бабушку за глаза в семье называли королева-мать. «Я не знаю, что делать. В понедельник надо отдать деньги за путевки, иначе бронь снимут. Занять не у кого. Плакал отпуск. Не понимаю, куда она их потратила. Чего ей не хватает?» – унывала

мама. «Мяаяяя» – против орала кошка Фрося. Только отец молчал. Хотя его большую часть времени и дома то не было. Из скандала он ретировался на чердак, служивший художнику регионального масштаба Николаю Денисовичу Иванову мастерской. Но самое ужасное заключалось даже не в этом состоянии холодной войны, а в том, что Варя не знала, кому верить и что делать. Она не была уверена, что Кира взяла деньги. Ей по-просту не хотелось верить, что сестра может взять без спросу чужое, еще и такую сумму. Моментально компенсировать матери утраченную сумму Варвара не могла, потому что жила от полочки до полочки, как говорили в советское время. Зарплаты в институте, стипендии аспиранта и нескольких подработок хватало на оплату квартиры, небольшое «пособие» для дам семейства и еду. Последняя была единственным, на чем Варя могла экономить. В воскресенье Варя вырвалась из душного скандала, так и не понимая, где возьмет деньги, но пообещав помочь.

Для Вари, давно живущей отдельно, каждая поездка домой была особым состоянием. Она попадала в атмосферу, где люди живут по общему графику и почти не бывают в одиночестве. Отдельные комнаты в доме имели два человека: Екатерина Алексеевна и Кира. Николай Денисович, как мы уже сказали, много времени проводил в мастерской. Ему с супругой отведена была та самая гостиная – проходная комната. Для неё это был выход из привычной зоны комфорта, часто приятный, но периодами, как в этот раз, дающийся с трудом.

«Что делать? Что делать? Что делать?» – бесконечно задавала Варя себе один и тот же вопрос, наблюдая снова в окне полустанки и ровные линии сосен и берез вдоль дороги. – Что делать?». Она прекрасно знала, чем закончатся терзания, но оттягивала момент. Варя могла взять кредит, но тогда каждый месяц придется выделять еще сумму на его погашение. По определенным причинам Варя с опаской относилась к подобным займам.

Когда-то давно её отец загорелся мечтой стать модным художником на Западе. Это, конечно, требовало определенных вложений. Варе было тогда лет 7–8, а Кира только родилась. Николай Денисович взял кредит под залог двушки, в которой они жили вчетвером, и отбыл, для начала, в Европу, предварительно сговорившись с каким-то художественным агентом. Вроде бы у него были связи в престижных галереях. Отец обещал маме, что каждый месяц будет присылать деньги на погашение долга, что дела непременно быстро пойдут в гору и они уедут из России, в то время нищей и бесперспективной. Вышло совсем не так. Агент очень быстро куда-то пропал. Отец, поскитавшись несколько месяцев за границей, вернулся на Родину. Денег, как вы догадываетесь, не привез. Сначала Александра Сергеевна пыталась выплачивать кредит. Потом поняла, что не тянет. Она тогда отчаянно пыталась быть самостоятельной, поэтому ничего не говорила ни своим родителям, которые были против её выбора спутника жизни, ни родителям мужа. Независимым от последних пытался быть отец. Вообще, закончилось все тем, что однажды в дверь молодой семьи постучали кредиторы. А 90-е были еще той проверкой на прочность. Прописанные двое несовершеннолетних детей никого не остановили. Так Ивановы остались без квартиры. Когда все узнал Варин дед, мамин папа, разразился страшный скандал. Мама с маленькими дочерьми переехала к своим родителям. Николай Денисович – к своим. Но скоро Варварин дед, не последний человек в городе, работник горисполкома, умер. А вместе с его смертью пошатнулись и семейные устои патриархата. Правда, за русским патриархатом часто скрывается матриархат. Но сейчас не об этом. Вообще, Варины родители помирились. Ивановы полым составом стали жить с Екатериной Алексеевной.

Второй вариант достать деньги был отчасти проще и не такой страшный: попросить денег в долг у Марка. Но для этого Варя должна была договориться с собственной совестью. Переговоры такого уровня всегда давались ей с трудом. Она жила, подсознательно понимая, что всегда может обратиться к другу за финансовой помощью, не затрудняя его этим. Иногда Варя даже представляла себе подобный диалог, но никогда не реализовывала. Не могла. Духу не хватало. Лучше неделю протянуть до зарплаты на одной гречке, но не пойти к Марку. Стыдно.

Глава 11

Пока Варвара терзается совестью, а Егор прибывает под действием эндорфина, рассказчик позволит себе очередное отступление, обратив внимание читателя на персонажей второго плана. Подобно тому, как свита делает короля, второстепенные действующие лица делают главных героев. А их за последнюю главу появилось немало.

Екатерина Алексеевна Романова родилась в том самом славном городе в многовековой историей, в котором Егор неожиданно вошел второй раз в уже знакомую реку. Но волею судеб отличница, немного спортсменка и комсомолка большую часть сознательной жизни провела в небольшом городке, где мы с ней и познакомились. Она скучала по городу детства, но никогда не жалела о том, что вышла замуж за Вариного деда Сергея Анатольевича Романова. Детство проходит, а города перерождаются, меняясь до неузнаваемости.

Молодой паренек с имуществом, умещающемся в один чемодан, в котором Екатерина Алексеевна разглядела надежного мужчину для жизни, целиком и полностью оправдал все её ожидания. Сергей Анатольевич сделал хорошую карьеру, всю жизнь проработав в горисполкоме на руководящей должности, получил звание «Почетного гражданина города» и ни разу не дал кому-нибудь повода сказать о себе худо. Его ругали за твердость характера, за требовательность, но не за отсутствие чести и совести. Про таких, как Варин дед, фразу «хороший был мужик» произносят с восхищением. В отличие от Екатерины Алексеевны, супруг в городе был своим, потому что в нем вырос. Тот, кто не был коллегой, был его одноклассником. Кто не был одноклассником, встречался с ним в комсомоле и т.д.

Варина бабушка вплоть до выхода на пенсию была директором Городского Дворца Культуры. На работе ей часто приходилось проявлять твердость характера и крепость духа, которые она часто забывала умирять дома. Поэтому на долю Александры Сергеевны, единственного ребенка в семье Романовых, выпало детство в условиях жесткой дисциплины. И если папа изредка давал слабину в общении с дочерью, то с мамой шутки были плохи. Варина мама получила классическое женское образование: хореография, музыкальная школа, кружок кройки и шитья, кружок вышивки, а еще дополнительные занятия английским. «Ребенок должен быть занят делом» – считали родители. Закончив школу, Александра Сергеевна уехала учиться на филфак, и через несколько месяцев вернулась с мужем-художником. О своем замужестве дочь сообщила родителям постфактум. В торжественный момент объявления сей знаменательной новости Сергей Анатольевич крепко сжал руки в кулаки, тяжело вздохнув, а Екатерина Алексеевна вскинула вверх брови, закусив нижнюю губу. К информации о замужестве присовокупилось объявление о переводе на заочное и беременности.

Супругам Романовым удалось сохранить должности после развала Союза, хотя и пришлось подстраиваться под новые реалии. Тогда дед чаще стал принимать сердечные капли. Подрастающая Варя тогда жила с родителями отдельно в квартире, которую «выбил» для молодых людей Сергей Анатольевич. На последних курсах института Александра Сергеевна пошла работать в школу. Николай Денисович зарабатывал ведением кружка по рисованию в ГДК и заказными портретами местных партийных деятелей и ударников труда. Но чем явственнее становился закат «большой эпохи», тем меньше становилось заказов. Время от времени Николай Денисович участвовал в выставках, где его работы принимали на ура. Его даже приняли в областную ячейку Союза художников. Хвалили Николая Денисовича и как преподавателя. Но доходов хорошие отзывы не увеличивали.

Но Варю все эти трудности не касались. Она была жизнерадостным ребенком, живущим в достатке и радости. Отдав всю строгость на воспитание дочери, Романовы растаяли перед внучкой. Спустя семь лет после рождения Варвары появилась Кира. Но ей пожить в лучах дедовской любви удалось совсем недолго. Со смертью Сергея Анатольевича довольно быстро

растаяли его многочисленные друзья и связи. Романовы-Ивановы превратились в обычную семью, выживающую в условиях становления нового российского государства.

Папиных родителей Варя почти не знала и видела всего несколько раз. Они жили далеко, умерли рано.

Глава 12

«Это ошибка, – думала Аня Дубровская, собирая по номеру отеля свою одежду, пока Егор принимал душ, весело что-то напевая на английском языке. – Надо немедленно это прекратить». Но ошибка повторилась снова и снова.

Шесть месяцев Егор просыпался и засыпал счастливым, получая удовольствие от тайны. Они скрывались от друзей и коллег, родственников, журналистов. Изображали на съемочной площадке холод и безразличие, а потом Егор подкарауливал Аню, чтобы поцеловать. Ему нравился секс в гримерке «Мосфильма», когда все уже разошлось, но вероятность неожиданного стука в запертую дверь все же возможна. Нравилось смотреть, как Аня ест по утрам овсяную кашу на воде, по его мнению совершенно невкусную. Нравилось ходить с ней в кино по ночам, чтобы случайно не встретить кого-нибудь. Ему нравилось все. Он, как наркоман пытавшийся излечиться от зависимости, сорвался и не мог остановиться. Не хотел. А неуверенные попытки Ани отказать ему Егор принимал за стеснения, не обращая на них особого внимания.

Наступила весна, пусть еще незаметная в перемене погоды, но ощущаемая в воздухе. Весна прекрасна рождением новой жизни. Наверно, поэтому мы все её так ждем. Нам хочется перемен, приятных новостей, радующих глаз красок. Весна вселяет в человека уверенность в собственных силах. Дышать становится легче. Одежды становится меньше, и уже ни что не сковывает движений. Человек готов к совершению поступков.

– Ты – женщина, ты – книга между книг, Ты – свернутый, запечатленный свиток; В его строках и дум и слов избыток, В его листах безумен каждый миг. Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток! – Егор декламировал Брюсова, стоя на кровати обернутый в простынь на манер древних римлян. – Он жжет огнем, едва в уста проник; Но пьющий пламя подавляет крик. И славословит бешено среди пыток.

Дочитав куплет, Ермаков спрыгнул с кровати.

– Ты – женщина, и этим ты права. От века убрана короной звездной, – Егор продолжал чтение, шагая по коридору к Ане, на кухню. – Ты – в наших безднах образ божества! Мы для тебя влечем ярем железный, Тебе мы служим, тверди гор дробя, И молимся – от века – на тебя!

На последней строчке Ермаков упал на одно колено, сделав выпад и выставив одну руку вперед. С него начала падать простынь, но он успел её подхватить.

– Егор, нам надо поговорить, – Аня насыпала в зеленый чай три ложки сахара и начала активно его мешать.

Это показалось Егору странным, потому что его жена никогда не пила чай с сахаром. Но постарался придать лицу серьезное выражение.

– Сядь, пожалуйста, – попросила Аня, отойдя к окну и продолжая мешать сахар. Теперь она смотрела в окно. – Егор, так больше не может продолжаться.

– Абсолютно с тобой согласен, – раздался за Алиной спиной радостный мужской голос. Ей эта радость была сродни ножа под лопатку.

– Так больше не может продолжаться. Нам надо расстаться. Все, что происходило в последнее время – одна большая ошибка. Я дала слабину. Я виновата перед тобой. Виновата за то, что дала этому так далеко зайти. Прости.

Аня перестала стучать чайной ложкой о стенки чашки. Улыбка исчезла с лица Егора.

– Посмотри на меня, – попросил он.

Дубровская повернулась, и Егора как током ударило. Он уже видел этот взгляд. Так же она смотрела на него, когда они разводились, – не сомневаясь. Все шесть месяцев он был один, а ему казалось вдвоем. Счастье слепит.

Через полчаса Ермаков ехал в такси к себе домой. Март – месяц мусора и букетов – сырел, пачкая обувь прохожих. Водителям и пассажирам, стоящим в огромной пробке, ничего не оставалось, как наблюдать эту депрессивную картину на фоне пасмурного неба.

– Эй, брат, что такой печальный? – спросил с акцентом водитель.

– Жена ушла, – ответил Егор.

– Ушла – вернется, – весело ответил шофер.

– Нет, не вернется.

– Не вернется, так другую найдешь.

– Другую не хочу, – сказал Егор, отворачивая к окну, чтобы прекратить разговор.

– Откуда тебе знать, чего ты хочешь? Всю правду только Аллах знает, а ты всего лишь человек. – поставил точку водитель.

Егор открыл окно. Как всегда, закурил. Таксист включил с флешки музыку. К большому удивлению Егора, из магнитофона раздался русский язык. Но исполнителя он не узнал. Молодой парень пел под гитару:

Не уходи, еще во мне посиди
Вставь в мои сны, свой цветной DVD
Во мне по находишь, по находи, но уходить погоди
На глазах распустились цветы
Только ты... Не бросишь мое тело во льды
В этой груди, найдется место для твоих святынь
Не уходи, не уходи, не уходи, не уходи, не уходи (2 РАЗА)

Я не вижу но ты здесь есть
Под изгибами волны ждешь
Принимай меня, я твой весь
Мы уснем когда пойдет дождь

Ты, только... Не бросишь мое тело во льды
В этой груди, найдется место для твоих святынь
Не уходи, не уходи, не уходи...
(«Не уходи», группа «Кардио Бит»)

Глава 13

Варя взяла деньги у Марка, клятвенно обещая все вернуть. Хотя Марк сразу сказал, что это подарок Кире на день рождения. То, что Иванова считала «весьма внушительной суммой», Звонарёв счел «пустяком».

Варя взяла у Марка деньги и сходила в театр с Ильей. А потом еще раз и еще. Хотя она и не понимала, зачем он туда ходит. Потому что как бы Илья не пытался скрыть, Варвара видела: ему скучно на каждом спектакле. Потом Безобиднов стал приезжать к Варваре каждые выходные: водить её гулять. Потом стал следить за тем, как она питается. Потом вкручивать ей дома лампочки и чинить краны. Последнее у потомственного ученого-гуманитария получалось не очень хорошо. Потом Илья познакомил Варвару со своими друзьями. Ей показалось, что они её изучали. Но поругала себя за мнительность. Потом Илья позвал Варю вместе встречать Новый год. Кульминацией всех этих событий стала новогодняя ночь, когда в полночь вдруг, точнее «вдруг» для Вари, выяснилось, что Илья вовсе не просто так ходил за ней месяц. «Почему бы и нет», – подумала Иванова, отвечая на страстные поцелуи Ильи.

Первые месяцы ей было хорошо. Она стала готовить. Все свободное время проводила с Ильей. Это было нетрудно: он приезжал к ней каждый вечер. В 35 лет Илья все еще жил с родителями. Варя старалась не замечать, как сильно Илья открывает кран или как не выключает за собой свет, уходя из комнаты. Вари очень нравилось, что теперь она как все. И ей нравилось нравится – ловить на себе восхищенные взгляды Ильи, чтобы она не делала.

Марк в этот период её совсем не узнавал. Когда они встречались втроем или вчетвером, он наблюдал за Варварой, как за посторонним человеком. Она стала мало говорить о работе, а раньше только о ней и болтала. Когда же дело дошло до вопросов о браке, Марку показалось, что он нашел у себя первый седой волос. «Что она в нем нашла? – размышлял Звонарёв сам с собой. – Зачем нам этот старпер? Ладно бы еще был с квартирой, машиной. А так, что он ей даст? Нет, он неплохой мужик, даже по-честному в неё влюбленный. Но Варюху он сделает несчастной. Она же на себя не похожа!». Самой большой опасностью для Звонарёва теперь была, ставшая такой вероятной, Варина свадьба. Однако, ему нравилось замечать в ней и другие перемены: чуть заметную чертовщинку в глазах и женственный изгиб силуэта. За выполнение физиологической функции он Безобиднову был даже благодарен, но не более того.

К счастью Марка, Илья Аркадьевич был не из скоропалительных мужчин. В отличие от Вари, которая первые несколько месяцев просто не унималась. Она познакомилась с родителями Ильи и уговорила его съездить к своему семейству. От первой встречи Варвара была в эйфории, от второй – готова была забиться в угол, потому что видела, как неуютно себя чувствует Илья. Она делала ему подарки, покупала вещи. Начала задумываться о совместном жилье и представлять, гипотетически, сможет ли провести с этим человеком всю жизнь.

Но через несколько месяцев не замечать открытый кран и не выключенный свет стало сложнее. По утрам ей приходилось тихо собираться, чтобы не разбудить «нового жильца». Вечером она уже не могла посидеть на кухне в кромешной тьме и поразмышлять. А еще появился тревожный страх, что так тихо и спокойно пройдет вся её жизнь. Заботливый Илья продолжал смотреть на неё восхищенно, искренне не понимая, почему ему надо съезжать от родителей или искать более престижную и высокооплачиваемую должность, ведь его все устраивает и он не бедствует. Безобиднов то пресекал Варины разговоры о будущем, то просил родить ему сына, обещая подарить ему железную дорогу. Он с радостью планировал отпуск и никогда не спрашивал Варю о деньгах, но при этом как-то в общем разговоре заявил, что женщина и мужчины должны вместе работать над семейным бюджетом. Варя запомнила. Илья один раз подарил Варе цветы, когда она обижено заявила, что он за ней даже толком не ухажи-

вал. Но при этом Безобиднов регулярно забивал её холодильник едой, а по выходным готовил невероятно вкусные первое, второе и третье.

Для этой пары тоже наступил март. Но Варвара не собиралась резать с плеча и бросать единственного мужчину, пришедшего добровольно в её жизнь. Она приглушала в плеере слова «привычно все включая ночь и постель... сегодня точно прощай» и проживала новый день. Она запретила Марку обсуждать Илью. Её подсознательное пока не готово было выйти на уровень сознательного.

Глава 14

10-го марта. Это случилось 10 марта – событие, которого вы, дорогой читатель, наверняка ждали весь предшествующий этой главе рассказ. 10 марта Варя и Егор впервые увидели друг друга воочию.

К завкафедрой, непосредственному начальнику Варвары, обратился знакомый с «Мосфильма» с просьбой посоветовать специалиста по Октябрьской революции и Гражданской войне 1917 года. На новую картину искали историка-консультанта. Не долго думая, профессор предложил Ивановой сопровождать проект. Он знал, что ей не помешают лишние деньги, что она ответственная и, самое важное, компетентная и талантливая. Варвара сначала отпиралась, хотя глаза её моментально загорелись. Но Иванова, подвластная гипертрофированному чувству ответственности, как всегда, сомневалась в своих силах. Под натиском начальника она сдалась.

Теперь по вечерам Илье приходилось наблюдать одну и ту же картину: обложившись книгами и конспектами, Варвара сидела на полу, постоянно что-то читая и записывая. Она готовилась к экранизации мало кому известного романа «Лебединая песнь».

Действие в книге происходило уже в послевоенное время, а это уже была не совсем Варина вотчина. Но сценаристы, данной им волею, переписали историю таким образом, что герои то и дело возвращались воспоминаниями в прошлое, нарушая хронологию сюжета. К тому же, по словам второго режиссера, Варвару посоветовали как «человека любознательного и не по годам образованного». Когда же она еще и заявила, что читала книгу, приятно удивленный режиссер окончательно утвердился в симпатии к молодому специалисту. Поэтому было принято решение, что Иванова будет консультировать группу весь съемочный период.

Что ж, следует сказать несколько слов о «Лебединой песне» Ирины Головкиной. Для фильма, к слову, выбрали второе название книги «Побежденные». Биографию белогвардейского движения, оставшегося в СССР после Гражданской войны, внучка композитора Римского-Корсакова Ирина Владимировна Головкина (в девичестве Троицкая) начала писать в 50-х годах прошлого века. Во многом это автобиографическая история, история автора и её близких. На долю писательницы выпало множество испытаний, которые она и описала в единственном произведении. Субъективный, но от этого не теряющий эмоционального накала, печальный рассказ об обреченных людях поразил Варвару невероятно и при первом, и при повторном прочтении. Она стала жить этой историей, и к ней пришло чувство железобетонной уверенности, что все не случайно, не случайно молодой режиссер Никита Петров решил снимать этот самиздат времен перестройки, неслучайно позвал её.

Варя ездила в архивы, пересматривала в интернете кипы газет того времени, попросила Петрова достать кадры старой хроники. Она выискивала любую, хоть малейшую информацию о романе и его прототипах. Они с Петровым даже слетали в культурную столицу к внуку Головкиной. Он рассказал им, как бабушка училась в гимназии Стоюниной, как её «вычистили» с третьего курса института» в 1930 году и как она сожгла записи мужа, опасаясь обысков. Более всего Варваре запомнились слова потомка о жизненной позиции его дворянской бабушки. Они как-то расставили все на свои места: «Было бы неправильно сказать, что она никогда не жаловалась, но все-таки она придерживалась таких взглядов, что никаких неприятностей не должно быть заметно. Она всегда приводила в пример литературных героев, которые вели себя так, как будто ничего не происходит. Ей, например, очень нравился майор Мак-Наббс в произведении Жюль Верна «Дети капитана Гранта», который никогда не волнуется, в самых критических ситуациях сохраняет полное хладнокровие и находит выход. Бабушке такое поведение очень нравилось».

– Понимаешь, они с одной стороны умершие, хотя еще и живы, – тараторила Варя, сидя у Марка на кухне. – Но с другой стороны, какая все же сила духа, особенно у Аси Бологовской, это главная героиня. А князь Дашков... Вот знаешь, он чем-то похож по типу на Эшли из «Унесенных ветром», но в отличие от последнего вызывает у меня симпатию. Хотя, все они конечно люди не нашего времени и не того. И Елочка, и Миша... Вырванные с корнем. Потерянные. – Варя отпила горячий чай и закусила эклером. – Чего ты лыбишься?

– Во-первых, я понятия не имею, кто все эти люди, включая какого-то Эшли из «Унесенных ветром». А во-вторых, с возвращением Иванова. – заявил Звонарёв с абсолютно довольным выражением лица.

– В смысле? – спросила удивленная Варя.

– А так, ничего. – махнул рукой Марк.

Первый съемочный день назначали на 10 марта. Накануне Варя полночи ворочалась, вскакивала, чтобы перечитать сцену в сценарии, вспоминала все ли они обсудили с художником по костюмам и судорожно перебирала в голове множество мелких, но очень важных, деталей. А Илья только и твердил: «Спи. Варя, спи». Утром он встал раньше обычного, чтобы накормить Варю завтраком и собрать ей с собой бутерброды. Она в это время носилась по квартире, собирая блокноты и книги.

– Ты уверена, что тебе это все сегодня понадобится? – спрашивал Безобиднов.

– А вдруг, – отвечала Варвара.

Первую сцену, первую в графике, но не по сценарию, снимали на натуре, на берегу реки, с которой дул ужасный мартовский ветер. Варя, чтобы «выглядеть приличнее», вместо пуховика надела весенне пальто, и безжалостный ветер продувал его насквозь, пытаясь при этом сорвать шаль, обмотанную вокруг шеи. Киношники напоминали цыганский табор. Лесопосадку рядом с площадкой заполнили автобусы и вагончики, служащие гримерками и костюмерными. Разбили палатку «Буфет». Между высоченными березами стали появляться провода, прожекторы, куча каких-то арматур и конструкций, название которых Варя не знала. На краю обрыва курили в белогвардейской форме двое мужчин, а рядом сидел парень на черном большом ящике и болтал по мобильному телефону. Варю такие картинки забавляли. Все ей было ново. Она рассматривала происходящее глазами ребенка. Только дети могут искренне удивляться и бесстрашно познавать мир, признавая, что чего-то не знают.

Варя продолжала рассматривать со спины двух мужчин в офицерской форме, которые о чем-то беседовали на берегу. Оба были высокие, но один худой, а другой широкоплечий. Худой сутулился, а широкоплечий держал осанку, как будто действительно всю жизнь носил форму. У сутулого волосы были темно-русые с пеплом, а у статного – светлые. Вдруг оба повернулись, реагируя на голос режиссера. И Варя поняла, что все это время внимательно изучала актера Ермакова-младшего и актера Петра Орлова. От удивления она открыла рот и выронила рук сценарий, но быстро опомнилась и начала гоняться за листами, подхваченными ветром. Со стороны догонялки выглядели весьма забавно.

Варя потянулась за последним листом, но его прижал большая мужская нога в черном армейском сапоге. Через секунду рядом с ногой появилась крупная мужская ладонь.

– Вы обрания, милая барышня? – спросил Орлов, подавая Варваре лист и улыбаясь, как улыбался бы друг старшего брата, глядя на забавную младшую сестру товарища.

– Я не барышня, – недовольно отрезала Иванова, убирая с лица шаль, которую ей в лицо «плюнул» ветер. – Спасибо.

– Петр, – без доли смущения представился Орлов.

В это время к ним как раз подоспел режиссер, и Вари появилась секунда, чтобы перевести дух и прийти в себя после забега. Разобравшись с шарфом, сценарием и приструнив волосы, она увидела, что передней стоят два популярных, уже названных актера, и режиссер Петров.

– Варвара, знакомься. Наши герои Петр Орлов и Егор Ермаков. А это, – показал Никита на Варю, – историк-консультант нашей картины. Ну, что, друзья, разобьем тарелочку? – на этом режиссер снова куда-то побежал, крича «Вася, где наша тарелка?».

– Пойдемте, Варвара, положим начало нашей большой работе, – Орлов сделал шаг в сторону, пропуская Варю вперед.

«Нарцисс» – подумала Варя.

– Что значит бить тарелку? – спросила она вслух.

– Перед началом съемок принято разбивать тарелку с названием картины. Осколки раздают членам группы на память.

– Своеобразная интерпретация русского суеверия, как отличительной черты нашего менталитета. – саркастически заключил Егор. Варя впервые услышала голос Ермакова, который все время молчал.

– Правда, прежде чем разбить тарелку, – продолжал Орлов, – нам надо снять первый кадр. Это тоже традиция. А еще, когда весь материал будет отснят, надо собрать все осколки снова вместе. Если тарелочка соберется, то иметь фильму успех. А если не соберется...

– То будет нам всем п...ц, – снова встрял Ермаков.

Варя смутилась.

– Егор, – с наигранным возмущением сказал Орлов. – С нами дамы.

– Прошу прощения, – спокойно ответил Егор, смотря на Варю, у которой щеки стали красными то ли от ветра, то ли от стеснения. – Но здесь вы и не такие слова услышите.

После первого удачного дубля Петров громко долбанул белую тарелку, исписанную черным маркером, о штатив камеры. И множество незнакомых Варя людей кинулись в рассыпную собирать осколки. Немного опешившая Варвара отошла в сторону.

– Что же Вы, Варя, не берете не сувенир? Вы теперь тоже часть группы, – Орлов появился из неоткуда, протягивая Варя небольшой осколок тарелки. – Держите.

– Спасибо. – поблагодарила удивленная Варя.

Весь длинный съемочный день Орлов «вырастал» около Варвары, принося кофе, показывая киношную еду, рассказывая про «местные порядки». Иванова чувствовала себе неловко. И трудно сказать, что было первопричиной: Орлов-мужчина или Орлов-актер, т.е. компания невероятно красивого мужчины или компания «человека из телевизора». Но закончилось все тем, что поздно вечером, когда рабочий день и следовавшее за ним застолье были окончены, Никита сказал: «Петя, раз уж ты сегодня весь день опека нашего консультанта, то отвези девушку домой. Ты же на своей». «Только не это» – подумала Варя. Орлов, конечно же, согласился.

Теперь, рассматривая Петра за рулем купейной «Мазды», можно о нем и поговорить. Петр Орлов пришел в актерскую профессию, по общим меркам, поздно, когда ему было под 30-ть. Но на то он и Орлов, чтобы ломать стереотипы, не видя преград. До этого Орлов перепробовал разные «роли». В 17 лет поступил в мореходку. Бросил её и напросился на танкер. Через год сошел на берег, поступил на ин. яз. Переехал из родного города, переведясь на третий курс в престижный ВУЗ мегаполиса. Закончив с отличием университет, изучив три языка, уехал за границу работать моделью. Сделал карьеру, которой многие бы позавидовали. Посмотрел мир. Вернулся, получил актерское образование и тут же был принят в труппу драматического театра, а первую роль получил, еще учась в институте.

По отношению к Орлову люди делились на две половины: первую он раздражал, вторую – восхищал. Одни поверхностно считали его самовлюбленным красавчиком, другие – талантом с богатым внутренним миром.

Природа действительно наградила Петра Орлова великолепными внешними данными. Выразительные скулы, волевой подбородок, высокий рост, спортивная фигура, осанка. У него даже уши были идеальной формы, послушно прижатые к черепу. О таких мужчинах вздыхают

миллионы девушек у экранов. Орлов, в силу позднего старта, пока не был так знаменит, как Ермаков. Хотя выглядел он его ровесником. Его фамилию знали заядлые театралы и преданные поклонницы. Но к моменту знакомства с Варварой Орлова уже начали узнавать на улице, а до первой славы было рукой подать. Не даром в «Побежденных» ему досталась главная мужская роль – князь Олег Дашков.

– Я музыку включу. Ты не против? А! И давай перейдем на ты. – сказал Орлов, протягивая руку к дисплею.

– Не против и давайте, т.е. давай, – робко ответила Варя.

Ей казалось, что Орлов уже выжал педаль газа в асфальт, проломив кузов. А он, как ни в чем не бывало, болтает тут о музыке. «Интересно, это он выпендривается или всегда так ездит» – размышляла Варя. Даже Марку, который безбожно гонял, относительно зная ПДД, до Орлова было далеко. Из колонок полилась украинская речь:

Стань мені самою,
Саме тою піснею.
Будую світ і розламую
Кожного разу після.
Лишись на першому,
На своєму місці.
Ця подорож вже завершена,
А швидкість ще двісті...

– Кто это? – заинтересовано спросила Варя.

– Это украинская группа. «Бумбокс» называется, – Орлов ткнул пальцем в плейлист на дисплее, где было написано «Дитина – Бумбокс». – Нравится?

– Неплохо, – впервые улыбнулась ему Варя.

Руту не шукай – твоя вона,
Не даруй речей, даруй сина,
Як тобі, не знаю,
Припасти до душі?..
Річ одну ти знати повинна:
Ні на що це зовсім не схоже,
Я немов маленька дитина,
Що без тебе жити не може.

– Барышня, наверно, слушает классику, – сказал Орлов о Варе в третьем лице, ожидая абсолютно конкретной реакции.

Варвара недовольно хмыкнула.

– Решил сделать контрольный выстрел, – усмехнулся Орлов. – А так я с первого раза понимаю. Хотя слово «барышня» абсолютно безобидное.

– Из твоих уст оно звучит как диагноз.

– Да ладно?

– Как будто я сбежавшая психичка или зверек какой-то неведомый.

«Боже, что я несу! – Подумала Варя, договорив последнюю фразу. – Я же его совсем не знаю. Что он об мне подумает? А, пусть думает, что хочет. Бесит». У Вари порозовели щеки. А с лица Орлова по-прежнему не сходила улыбка.

– Интересная, вы, Варвара Николавна.

– А я с Луны.

– Ну и характер.

Стоит ли говорить, что в данную минуту Варвара сама была в шоке от «своего характера». Она отвернула лицо в сторону, чтобы Орлов не видел её растерянности. На обочине мелькали огни фонарей, сливаясь в единую огненную полосу. «Так нельзя, – мучалась Варя. – Надо

извиниться. Что я на него взъелась. Будет думать, что я какая-нибудь истеричка, пришибленная на всю голову».

– Прости, – сказала она.

– За что? – искренне удивился Орлов. – Вроде нормально же все. Так что ты слушаешь?

– Я Агутина люблю, – тихо сказала Варя.

– Неплохо.

– Да?

– А что тебя удивляет?

– Просто у нас, кажется, считается немодным слушать «русскую попсу».

– Ну, во-первых, Агутин – не совсем попса. Во-вторых, не каждую «русскую попсу» знают за рубежом. А его знают, можешь мне поверить, как class musicians from Russia. У него свой стиль. И потом, у меня вот, например, есть друг, музыкант, так он просто фанатеет от аранжировок Агутина.

«А ты танцуй, дурочка, танцуй» – звучал «Би-2», создавая шумовой фон их разговору. Варя отвлеклась и начала подпевать.

– Так значит, не только Агутин, – заметил Орлов.

«Щеки горят» – подумала Варя.

– Конечно, не только. У меня плейлист, как советская энциклопедия. Найдется все.

– Историк-меломан.

– До меломана мне далеко. Так, от настроения зависит.

– «В ней что-то чудотворное горит, и на глазах её края гранятся. Она одна со мною говорит, когда другие подойти боятся. Когда последний друг отвел глаза, она была со мной в моей могиле и пела словно первая гроза иль будто все цветы заговорили».

– Это ведь Ахматова? – спросила Варя, и в её голосе прозвучали нотки удивления.

– Да, Анна Андреевна.

Варя впервые увидела лицо Орлова без улыбки. Но это была крошечная доля секунды.

– Кофе хочешь? – спросил Орлов.

– Кофе?

– Скоро будет заправка со сносным кофе. Да? Нет? Не знаю?

– Хочу – выпалила Варя.

На пустой заправке скучала дама-кассир. «Ой, это вы!» – воскликнула она, подняв голову на Орлова, заказывающего кофе. «Это я. А это вы?» – шутливо ответил Орлов. Пока дама осыпала Орлова комплиментами, восхищаясь каким-то сериалом, Варя тихо стоял в сторонке, рассматривая витрину. О сериале она даже не слышала, не то что видела. Оторвалась от витрины Варвара только, когда услышала, что надо насчитаться за кофе. Попыталась дать Орлову денег. Попытка успехом не увенчалась.

– Тебе не надоедает такое внимание? – спросила Варя, садясь в машину.

– Его не так много, как ты думаешь. И, потом, это часть профессии. Знаешь, я не верю актерам, которые говорят, что не мечтают о популярности, славе. Зачем тогда все? Сиди тогда в каком-нибудь Задрыпинске, играй в областном ТЮЗе и радуйся жизни. Мы работаем ради зрителя. Не будет их – не будет наших зарплат, в конце-концов. Есть, конечно, особые кадры, которых хочется послать на... послать куда подальше. Знаешь, такие, которые подходят к тебе: «О, ты ж этот, чувак из телека. Давай сфотаемся». В остальном, это очень приятно. Кому неприятно, когда его хвалят? К тому же, вот кофе нам дополнительный в подарок дали.

– В подарок?! – недовольно спросила Варя.

– Шучу. Она не хотела брать деньги. Я бросил их в коробку на благотворительность. Слушай, как тебе живется такой?

– Какой такой?!

– Такой правильной.

– С переменным успехом, – отрезала Иванова.

– Кстати, запомни, пожалуйста, на будущее, что я способен угостить девушку кофе.

Варя второй раз увидела лицо Орлова без улыбки. «На будущее» резануло ей слух.

Варвара искренне удивилась, когда Орлов объявил «Конечная. Спасибо, что воспользовались услугами наших авиалиний». Удивилась, потому что все пошло против выдуманного её самой «плана». За два часа дороги из пустого Петр превратился в любопытного. Они всю дорогу о чем-то говорили. Вроде не о чем, но, вместе с тем, обо всем. Напоследок, опустив стекло, Орлов цитировал на прощание Злобина: «Спи, моя красавица, спи, моя царица. Не кричит, не мается – спит ночная птица. На покой отправится мыслей вереница. Спи, моя красавица, спи, моя царица».

Взлетев по лестнице, Иванова открыла дверь квартиры. Прокралась по темному дому, и поняла, что никого нет. Улыбнулась. В эту ночь она моментально заснула. Ей снились непонятные, но красивые сны.

На этом предисловие нашей истории заканчивается. Начинается жизнь. У каждого из героев она своя. Длинная или короткая. Как у каждого из нас, наполненная перипетиями, маленькими победами и большими потерями. Главный парадокс: каждый живет свою, но завися от других и задевая их на поворотах.

Часть 2

Глава 1

Иногда очнешься вечером. Подумаешь: «Как быстро прошел день». Только было утро, а вот ты уже в постели и надо спать. И бывает так жаль, что день на исходе. И засыпать жаль, потому что тогда точно все. А за ночь вот это что-то хрупкое и волшебное, рожденное в тебе этим днем, исчезнет. Ты, может, и проснешься в хорошем настроении, но все же уже в другом дне.

Орлов не мог заснуть, что бывало с ним крайне редко. Обычно он приезжал домой за полночь, и, падая в кровать, моментально выключался. Жадный до работы, он был заложником жесткого графика: репетиции в театре, съемки в кино и рекламе, иногда интервью и фотосессии для глянца. Это даже трудоголизмом назвать нельзя – образ жизни. Просыпаясь и засыпая, Орлов думал только о работе: «Сегодня спектакль получился. Вроде бы... Надо попробовать изменить начальную сцену второго акта... Позвонить Асе (агент Орлова) – уточнить время записи на радио...». Орлов не мог себе позволить даже завести домашнего питомца. Хотя очень скучал по коту Д'Артаньяну из детства. А Орлов редко по кому-нибудь или чему-нибудь настальгировал. Скорее никогда.

Пётр открывал и закрывал глаза. Поворачивался на правый бок – смотрел в балконное окно, через которое в комнату пробивался лунный и фонарный свет. Поворачивался на левый бок – упирался взглядом в стену с лунным отсветом. Ложился на спину – наблюдал танец бликов на потолке. При этом на его лице не было ни тени тревоги. Напротив. Внутреннее спокойствие сочеталось с жадной жаждой действия. Экран телефона показывал «2:00», а он чувствовал в себе невероятный прилив энергии и жажду действия. Но играть на барабанах в два часа ночи, когда под тобой и над тобой соседи, было бы слишком даже для Орлова. Общение с милицией и громкие заголовки в Интернете, были бы обеспечены. Он сел в кровати, с грустью посмотрев на барабанную установку, стоящую в углу. В единственной комнате было всего два предмета: двуспальная кровать и барабанная установка. Гардеробной Орлову служил коридор, почти все пространство которого занимал шкаф-купе. Мужчина встал с кровати и пошел на кухню.

Кухня была такая маленькая, что хозяин квартиры мог, сидя за столом, легко открывать холодильник или ставить тарелку в раковину. Орлов достал из холодильника бутылку с негазированной водой и сделал пару больших глотков. Вернул 1,5-литровку воды на место. Пару секунд, выражаясь его сленгом, потупил в открытый холодильник, свет которого падал на обнаженный торс. Не обнаружив ничего интересного на почти пустых полках, закрыл его и сел на табурет, закинув ноги в светло-серых пижамных штанах из хлопка на подоконник, а головой и плечами прислоняясь к стене. На кухонном столе в хаотичном порядке были разбросаны листы распечатанной «Лебединой песни». Орлов посмотрел на бумаги, сбросил ноги с подоконника, нашарил под листами простой карандаш. Затем взял несколько листов, сложив их ровной стопкой, а остальные отодвинул в другую сторону. Стопку Орлов перевернул печатным текстом вниз, и стал писать на чистых оборотах.

«Как хочется верить. Господи, как хочется верить, что все не зря. Мчишься, мчишься. Суета-сует. А потом вдруг «Бац!». Что-то шелкает».

Мы не будем сейчас приводить полный текст записей молодого актера. Им еще предстоит появиться в нашем рассказе. Всему свое время. Скажем лишь только, что в эту ночь Орлов, сам того не зная, начал писать большой судьбоносный для него проект.

Глава 2

Однако, мы неоправданно забыли о Егоре, оставив его в такси с испепеленным сердцем и душой. Хотя, ему самому такой пафос вряд ли бы понравился. Мысль «Какой я дурак» сменялась в его голове другой «Почему?». Рефлексируя, сидя на балконе, за бутылкой виски и сигаретами при свете знаменитой лампы, он пытался найти ответы на бессмысленные вопросы, откатившись на полтора года назад, когда один раз уже переживал расставание с женой. Чем больше Егор пил, тем больше ему казалось, что он не хмелеет. А литровая бутылка 12-летнего «Glemoangie», тем временем, была уже пуста более чем на половину.

Он то ужасно злился на Аню, в голос оскорбляя её, то начинал молчаливо тосковать. А в результате исход был один: пустота. И когда утром, больной от похмелья, Ермаков открыл глаза, то не обнаружил ни в мыслях, ни в чувствах ничего. Человеческий организм так устроен, что в период большого стресса способен полностью блокироваться. «Дырку» внутри человека окружающие легко могут принять за самообладание. А он просто нырнул на глубину, с которой не хочет подниматься. Проблема, как привязанный к утопающему камень. Чтобы всплыть, его надо отвязать. Но утопающий чаще всего идет на дно в одиночестве. А для спасения необходимо желание.

Лучшее, что могло случиться с Егором в такой момент, – работа. И тут, «Побежденные», были, как нельзя, кстати. При словах «Камера. Мотор.» в нем переключался невидимый тумблер: любая иная реальность, кроме съемочной площадки переставала существовать. Почти одновременно с экранизацией у Егора запускался еще один проект. И это не считая театра.

Худшее, что могло случиться с Егором в день похмелья, – мама, которая безжалостно позвонила в восемь утра. И не по телефону, а в дверь. Поэтому торопящийся на работу сосед лицезрел следующую картину, когда Егор открыл входную дверь. На лестничной площадке стояла высокая стройная женщина средних лет в кремовом пальто чуть ниже колена, расклеванном к низу. Длинную тонкую шею обрамлял огромный лисий воротник. Тем же мехом были оторочены манжеты. Сапоги в тон пальто на высоком каблуке. Вместительная, но не бесформенная, сумка цвета бургунди, перчатки того же цвета. Её черные, как смола волосы, были уложены на затылке в объемную «ракушку». На лице легкий дневной макияж, но с глазами, выделенными smoky eyes. А смотрел на неё из прихожей молодой парень. Босой, в помятых футболке и джинсах с взъерошенными, сальными, от того потемневшими, волосами. Под глазами у Егора виднелись едва заметные серые круги.

– Здравствуй, сын – сказала Елена Анатольевна. – Пустишь?

Егор повернулся боком, приглашая маму войти. Сначала он замешкался, растерялся. Потом увидел, что мама стоит с пальто в руках посреди квартиры. Быстро реабилитировался: повесил пальто, нашел турку, поставил кофе. Елена Анатольевна признавала только сВаринный в турке кофе и только из маленькой кофейной чашки. Пока сын суетился, она забралась на высокий стул, стоящий у кухонного «острова», выполняющего роль стола. Такая мебель, как и лофт Ермакова в целом, абсолютно не сочетались с коричневой двойкой в рубчик аля Коко Шанель и жемчужным гарнитуром – не сочетались с его мамой. На соседний стул Елена Анатольевна положила сумку и перчатки.

– Как поживаешь, сын? – спросила Елена Анатольевна, проводя указательным пальцем по столу.

– Хорошо. Хорошо. – несколько раз повторил Ермаков.

– А что же ты тогда бабушке не звонишь уже семь дней?

– Семь дней? – пробормотал Егор себе под нос, помешивая в турке кофе.

– Да, семь дней. Я понимаю, у тебя много работы. Но ты же знаешь, что она волнуется, что она плохо справляется с мобильным. Хотя, не смотря на это она пыталась тебе дозвониться.

Но ты не брал трубку. А я была на гастролях. Сегодня я рано утром прилетаю, а наша бабушка почти что при смерти. Ты можешь повернуться, когда я с тобой говорю?

Весь длинный монолог Елена Анатольевна произнесла в одной интонации, не повышая голоса. Так, как это умеет делать только она. «Как могли пролететь семь дней?» – думал в этот момент Егор. Только сейчас он понял, что неделю не был дома, ночуя у Ани. А его мобильный почти постоянно стоял на беззвучном или был выключен. Он повернулся к матери лицом, и сказал:

– Я виноват. Прости. Я сегодня же позвоню бабуле. Действительно замотался.

– С тобой вся в порядке? – Елена Анатольевна смягчила выражение лица.

– Все нормально, мама. – ответил Егор, наливая кофе в маленькую белую чашку на блюдец и не поднимая на маму глаз.

– Ты уверен? – не уступала она.

– Да. – твердо отрезал Егор.

– Как с работой?

– Готовлюсь к двум новым проектам.

– Фильм?

– Фильм и сериал. – Егор сел на стул напротив матери, и склонил голову на руку. «Какие неудобные стулья», – подумал он, не найдя к чему прислонить спину. На высоких табуретах вместо спинок были едва выступающие планки. А мама при этом сидела перед ним так, будто в подбородок и в затылок ей упираются, привязанные с двух сторон, линейки.

– Где была?

– Возила девочек на международный фестиваль в Париж.

– Как Париж?

– Как всегда прекрасен. Сын, и все же, возможно, тебе нужна моя помощь?

– Мама! – Егор поднял голос, но увидев, как мама тяжело сглотнула ком в горле, взял себя в руки. – Мама, все хорошо. – Он обошел стол, чтобы обнять маму за плечи. – Mamochka, я правда в порядке. Не волнуйся. И бабушке передай, чтобы не волновалась.

– Хорошо. – сдалась Елена Анатольевна, понимая, что ничего не добьется. – Может ты заедешь к нам на днях?

– А ты будешь дома? – ухмыляясь, спросил Егор.

– А ты позвони мне заранее или, лучше, приезжай ко мне, и вместе поедem домой.

– Ок. Созвонимся.

Удовлетворившись ответом, Елена Анатольевна взяла сумку и перчатки и легко поднялась с неудобного стула.

– Я не прощаюсь. – сказала она, целуя сына в щеку.

Егора обдало ароматом, знакомым с детства – духами L'Air du Temps от Nina Ricci. Когда за Еленой Анатольевной закрылась дверь, в коридоре осталась часть её. Как говорила Коко Шанель, духи оповещают о появлении женщины и продолжают напоминать о ней, когда она ушла.

В нашей истории есть две сногшибательно красивые женщины, от которых захватывает дух. И за это стоит благодарить Алексея Егоровича Ермакова и его великолепный вкус при выборе жен. С одной из которых, читатель имел честь познакомиться несколько минут назад.

Заслуженная артистка РФ, Заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Государственной премии, профессор кафедры народно-сценического, бытового и современного танца, создатель и художественный руководитель девичьего ансамбля «Ивушка», режиссер-постановщик Елена Анатольевна Смирнитская прежде всего в нашей истории мама известного актера Егора Ермакова. Рассказ о том, как девочка из кубанской станицы стала одним из выдающихся хореографов огромной страны заслуживает отдельной большой истории. Мы же расскажем лишь короткое жизнеописание.

Лену Смирнитскую воспитывала мама. Отец, который был старше жены на 15 лет, рано умер от инфаркта. Лена почти его не помнила. Так они с мамой остались вдвоем в небольшом поселке. Выживать помогали хозяйство и благодарные мамы пациенты, угощающее единственного медика на всю округу то Вариньем, то картошкой. А еще Лидия Тарасовна хорошо шила, чем приучила дочь всегда носить только штучные вещи. Елена Анатольевна всегда, как это раньше говорили, обшивалась у портного. Даже когда «железный занавес» пал и страну заполонили иностранные бренды, она не изменила привычке.

Рано утром маленькая Лена выходила доить корову и кормить кур. В резиновых сапогах, выполняя домашние дела, она постоянно пританцовывала. Лидия Тарасовна отвела шестилетнюю дочь в кружок при местном ДК. Через несколько месяцев руководитель кружка сказала: «Лида, ей надо в специализированную школу. У неё талант». Так маленькая семья собрала вещи и уехала в Краснодар, где Лену приняли в школу-интернат народного искусства для одаренных детей. А Лидия Тарасовна устроилась в больницу. Дом они выменяли на однокомнатную квартиру. Мама будущей артистки пропадала на дежурствах и подрабатывала швеей. Благо, Лена жила в интернате. Платить матери за труды она могла одним – своими успехами. У каждой из них был свой тяжелый труд.

Кто пропадает вечерами в репетиционной? Лена. Кто зубрит учебники после отбоя? Лена. Кто сидит на диете, боясь испортить фигуру? Лена. Кавырялочка, дробы, упадания и припадания, «веревочка», флик-фляк, шпагат и одновременно совсем уж непонятные французские термины... Лена потела, сцепляла зубы от напряжения, усердия и боли, краснела и бледнела, но снова и снова шла в класс. Из интернета она выпускалась солисткой и лауреатом нескольких Всесоюзных фестивалей.

«Дочь, помни! С первого раза получается не все. Но труд и терпение могут победить все», – напутствовала мудрая мама Лену, провожая её поступать в сто лицу. Бойкую «казачку», которая посмела заявить комиссии «Как закончен набор? Вы еще меня не посмотрели», приняли с первого раза. И снова были бесконечные репетиции, исправление южного говора и чтение по ночам, теперь уже классической и современной литературы. Любовь к книгам занимала почетное второе место среди Леночкиных «страстей». А их всего-то было две. Но на пятом курсе появилась третья.

Был май. Теплый, даже жаркий. Стройная Лена в белом платье в мелкие бледно-голубые цветочки репетировала с однокурсницами прямо на бульваре. Они пританцовывали, хохотали, что-то бурно обсуждая. И вдруг Лена обернулась. «Поворачиваюсь назад, а на скамейке напротив, так немного по диагонали, сидит парень. Красивый такой. Высокий. Модный. Сидит, смотрит по сторонам, как-будто ждет кого-то. Для меня в эту минуту, даже секунду, наступила полная тишина. Вот я обернулась, и все исчезло, весь мир вокруг. Белый лист. Я пересекла аллею, подошла к нему и спросила: «Есть ручка?». Зачем ручка? Почему ручка? Вот первое, что взбрело в голову, то и спросила» – так рассказывала Смирнитская эту историю журналистам. Тогда она взяла ручку, и поскольку надо было как-то оправдать вопрос, попросила еще и листок бумаги. Бумаги у парня не нашлось, он дал ей спичечный коробок. На нем Лена написала дату и название ДК, где на днях был запланирован концерт их коллектива. Он пришел.

Три года Смирнитская и Ермаков прожили вместе. Родился Егор. А потом все закончилось. «Я проснулась однажды утром. Лежу одна в постеле и понимаю, что так больше жить не хочу», – объясняла Егору мать. Ермакова-старшего с головой захлестнула веселая жизнь творческой молодежи. Он не ночевал дома, пропадал на несколько суток или приходил под утро пьяный. Мог уйти в гости, а на следующий день позвонить, например, из Одессы. Такой образ жизни плохо сочетался с семьей. Да и Елена не была той женой, которая бы годами терпела, а потом написала бы мемуары о гениальности супруга. Она развелась и вступила в брак до гробовой доски – вышла замуж за работу. Конечно, в её жизни случались поклонники, и красивые, и статусные, и богатые, и заграничные. Но никто не мог превзойти танец.

Для Егорушки из Краснодара выписали бабушку. Стали они жить втроем, счастья и добра наживать. Мальчик рос окруженный любовью и заботой двух прекрасных женщин. Несмотря на вечную мамину занятость, Егор никогда не смел её упрекать или обвинять. Отец в его детской жизни появлялся нечасто. Он больше был голосом в телефонной трубке с репликами «учись хорошо», «слушай маму и бабушку», «читай книги», неосязаемой абстрактной фигурой, передающей реальные осязаемые подарки.

Смирнитская, как локомотив, мчала вперед, вдохновленная любовью сына. «В моей жизни два любимых мужчины – танец и сын», – говорила она. В 23 года она стала не только совершенно независимой женщиной, но и превратилась из Лены в Елену Анатольевну, создав профессиональный девичий коллектив народного танца. Первые пять-семь лет она совмещала должность худрука с должностью танцора. Егор любил каникулы, когда они с бабушкой сопровождали маму на гастроли. Ему очень нравилось, что мама «самая главная». Он смотрел на неё замороженно, как умеют смотреть только дети, видя в матери сосредоточение всего лучшего и прекрасного на земле.

Как мы уже говорили, Елена Анатольевна никогда не повышала голос, но её слушали все, от костюмерш до осветителей, от танцоров до чиновников. «Вам что не страшно?» – спросил Смирнитскую как-то один деятель. «Страх? Это что за движение? Я такого не знаю», – спокойно ответила она. Егор никогда не видел маму плачущей, разве что, немного расстроенной или встревоженной. Видел уставшей, часто. «У тебя глаза спят» – говорил маленький сын матери в такие моменты. «Нет, не спят, – шуточно отвечала мать. – Это они думают.». «Мама так устает, – думал мальчик Егор, – нельзя её расстраивать. И бабулю тревожить нельзя. Она же у нас возрастная». Он, конечно, как и всякий мальчишка, попадал в передряги, но не нарушал школьной дисциплины и учился хорошо. С детства его приучали к мысли, что он мужчина, за которым стоят две женщины, нуждающиеся в защите и опоре.

К моменту нашего знакомства Елене Анатольевне имела полувековой жизненный опыт. К этому возрасту многие женщины уже нянчат внуков. Но назвать её бабушкой, язык бы не повернулся. Как в такое поверить, когда она прыгает жете или делает гранд батман? Как поверить в цифру в паспорте, когда она выходит на паркет теле-шоу и зал замирает от восхищения? Для вечного двигателя возраст – условность.

Глава 3

– Ты стала такой важной дамой, – сказал Марк, отпивая кофе из картонного стакана, в которых обычно подают напитки на вынос. – Тебя фиг поймаешь.

Он и Варя сидели на скамейке в сквере недалеко от университета. Двое друзей встретились только благодаря «окну» между парами. Во второй половине марта солнце наконец-то начало не только светить, но и греть. Варя, держа в руках стакан с кофе, сидела с закрытыми глазами, подставив лицо солнечным лучам. Где-то щебетала птица. Деревья, еще не одетые в зелень, неловко жались друг другу ветвями.

– Не бурчи, Звонарёв, – сказала Варвара, открыв глаза и делая глоток кофе.

– Я уже не помню, когда последний раз тебя видел!

– Вот она я! – с сарказмом ответила Варя – Лицезрей.

– Ха-ха, – обозлился Звонарёв. – Что нового?

– Все как обычно. Работа – дом. Дом – работа.

– Конечно, для нас же кино теперь обычное дело – иронизировал Марк.

– Не поверишь, но это тоже работа. Хотя, надо признать, невероятно интересная.

– Иванова, слушай, а возьми меня на съемочную площадку.

Варвара вопросительно посмотрела на Марка, вскинув брови вверх.

– Пожалуйста, Иванова, – Марк постарался придать лицо самое добродушное и милое выражение. – Мне так интересно.

– А я то думала он соскучился...

– Ну, Варюха!

– Ладно. Завтра снимаем снова на натуре. Думаю, можно будет тебя взять. Но! Ты не будешь никуда лезть, никому надоедать и, вообще, будешь тише травы, ниже воды.

– Не вопрос.

«Так я и поверила», – со скепсисом подумала Иванова.

– И еще. Раз уж ты хочешь со мной, то ты за мной и заедешь. Я отменю машину.

– Да, без проблем, – ответил цветущий Звонарёв.

– Это рано – пыталась насторожить его Варя.

– Буду, как штык.

– Заедешь за мной в шесть. Поедем в область.

– Во сколько?!

– Нет, если ты не хочешь...

– В шесть значит в шесть, – отрезал печально Марк.

На следующее утро, опоздав на двадцать минут, он забрал Варю из дома. Выходя из подъезда, Варя оценила внешний вид друга и сказала: «Ты уверен, что оделся по погоде и обстоятельствам?». «Вполне», – ответил Марк. Варя скептически хмыкнула. Сама она была экипирована по полной программе: пуховик, свитер, джинсы и ботинки на плоской подошве, обутые на теплые носки. Марк же выглядел, как человек, у которого путь по улице занимает не большее расстояние, чем необходимо, чтобы дойти от машины до магазина или дома. Короткая черная кожаная куртка, водолазка, джинсы и высокие кожаные черные кеды. Весь look, как сейчас говорят «продвинутые» товарищи, от «Boss».

В рассветном тумане они выехали из города. И Марк сразу утопил педаль газа, чтобы наверстать опоздание. Борясь с сонливостью, он по дороге к Варе взял в круглосуточном «Макдоналдс» 8 стаканов кофе, не забыв о друге: половину себе – двойной эспрессо, половину Варе – капучино.

– Очень интересный у нас разговор получается, – саркастически заявил Звонарёв, разбивая тишину, которую нарушал только голос Земфиры.

– Ты, знаешь ли, сам напросился. А из меня по утрам еще тот собеседник, особенно на голодный желудок.

– Вот ты злая и противная, а Марк Аркадьевич все предусмотрел – Звонарёв протянул руку за свое сидение и достал бумажный пакет. Протянул его Варя.

– Фастфудный завтрак. Как это полезно, – протянула Варя.

– Ни слова благодарности, – состроил обиду Марк.

– Ладно-ладно, спасибо. Есть правда очень хочется. Я в такую рань дома впихнуть в себя ничего не могу. А потом организм просыпается и требует топлива, – Варвара откусила большой кусок фреш-ролла. – А себе ты что ничего не взял?

– Не хочу пока.

Звонарёв прибавил звук аудио-плееру:

Поболтаем об иронии,

Мне безумно интересно!

Это глупо или честно?

Я рискну и встану ближе...

Твои запахи смущают,

Их названий я не знаю,

Я вообще тебя не знаю.

Ты меня впервые видишь,

Я заранее прощаю,

Ты напротив – ненавидишь.

Поболтаем об иронии.

– Варюха, а там будет кто-нибудь знаменитый сегодня? – просил Марк.

– Все, – ответила, хохотнув Варя.

– Я серьезно.

– Я тоже. У картины шикарный актерский состав. Так что, не переживай, людей из телевизора ты увидишь.

– Конечно, ты же их каждый день видишь. Куда уж нам!

– Звонарёв, я тебя умоляю. Ты можешь купить себе билет на любой кинофестиваль и любую закрытую вечеринку.

– Ну, не совсем на любую... Но это другое, Иванова. Там они все важные, при параде. А тут...

– А тут в робе, – посмеялась Иванова.

– Можно подумать тебе не было интересно, как снимают кино. – возмутился Звонарёв.

В такие моменты он превращался в мальчишку.

– Марк, я же шучу. Прости. Сегодня, кстати, должны быть на площадке, кроме молодняка, Серебряков, Смоляков и Домогаров.

– Да ладно?! А молодняк это кто?

– Молодняк – это главные герои. Орлов, Ермаков и Мария Андреева.

– Я из них только Ермакова знаю.

– Остальных тоже наверняка видел. Просто фамилий не знаешь.

– Может быть.

– Мне так нравится наблюдать за Андреева. Она какая-то... волшебная, что ли, неземная, – Варя закатила глаза.

– А что у вас с твоим... Постоянно забываю.

– Илья, его зовут Илья, – «вынырнула» Варвара.

– Точно. Так что у вас с Ильей?

– А что у нас с Ильей? Все нормально.

– А дальше что?

- Что дальше?
 - Иванова, ты издеваешься?
 - Пытаюсь понять, что ты хочешь услышать. Только и всего.
 - Хочу услышать, какие у твоего Илюши планы на жизнь.
 - Оптимистичные.
 - Варюха!
 - Мы живем и живем. Все нормально. Что дальше будет, жизнь покажет.
 - Брось, Иванова. Это же не ты.
 - В смысле?
 - Ну, все вот эти «поживем – увидим» не про тебя. Ты так не сможешь. Вот увидишь: долго ты так не протянешь.
 - А если я не хочу определенности?
 - Тогда ты не просто не протянешь, ты скоро все закончишь. Ты и сама это знаешь.
 - Ерунда!
- Варвара замолчала и уставилась на дорогу. Марк закурил.
- «Жди здесь», – сказала молчавшая всю дорогу Варя, когда они подъехали к развалинам какой-то усадьбы из красного кирпича. Вокруг огромного трехэтажного дома, точнее того, что от него осталось, спустя столетия, суетились киношники. Варя вернулась минут через 15, застав Звонарёв, бродящего вокруг машины с сигаретой.
- Марк, идем, – скомандовала Варвара, зазывая его рукой. Марк пошел за ней, проваливаясь в мокрый грунт чистыми кедами.
 - Б...ть, – выругался он.
 - Про уговор помнишь?
 - Какой?
 - Никуда не лезть и никому не мешать.
 - А. Помню.
- Рядом с усадьбой стояли несколько наполовину разломанных, отсыревших и облезлых скамеек. С них было видно всю суету на площадке, но, вместе с тем, они не попадали в кадр. «Можешь здесь пока упасть» – сказала Варя. «Слушай, а что это за развалины?» – спросил Марк. «Потом расскажу» – бросила она на бегу. Её ждал режиссер Петров.
- Когда через час, Варя вспомнила о Марке, то, естественно, не нашла его там, где оставила. Она начала судорожно ходить по площадке в поисках друга. Звонарёв нашелся в «буфете». Они с Орловым, одетым в офицерский парадный мундир образца 1914 года, разговаривали так, будто были знакомы сто лет. Поверх мундира с расстегнутым воротом Петр накинул на плечи куртку-алюску.
- Марк! – сквозь зубы процедила Варя.
 - О, Варюха. А мы тут с Петей Лондон обсуждаем.
 - Лондон? – раздраженно повторила Варя. – Я, кажется, просила тебя никуда не уходить.
 - Варька, твое чувство ответственности вызывает зависть, – встрял Орлов.
 - Я не Варька, – Варвара надула щеки.
 - Что Варька тоже нельзя? – наигранно возмутился Орлов. – Как к вам прикажете обращаться? Варвара Николавна?
 - Хороший вариант, – отрезала Варя.
 - Ух, и характер у неё, – сказал Орлов, обращаясь к Марку.
 - Я в курсе, – иронично согласился он. – Ты осторожнее: она и укусить может.
 - Не сомневаюсь, – Орлов ухмыльнулся. – Вся ты такая «брррр» – обратился он снова к Варе. – О! Я буду звать тебя Брысей.
 - Брысей?! – растерялась Варя.
 - Да! – гордо заявил Пётр. – Решено. Будешь Брысей.

- Почему?! – с негодованием спросила Варя.
- Потому что ты вся такая «бррр». И потом, Варвара – это Барбара.
- Логично, – поддакнул Марк.
- Варвара фыркнула.
- Так что, Марк, про лыжи договорились? – спросил Орлов как ни в чем не бывало.
- Да, только надо договориться о дне, – ответил также Марк.
- А вы приходите ко мне на спектакль с Брысей, – Орлов специально подчеркнул «с Брысей». – Я оставлю вам контрамарки. Там и договоримся. Послезавтра.
- «Актер Орлов, пройдите на площадку», – раздался голос помрежа в громкоговоритель.
- Это меня. Так значит, договорились: послезавтра в семь жду вас в театре, – Орлов на ходу пожал Звонарёву руку.
- Что за лыжи? – спросила Варя, когда Орлов ушел.
- Он тоже катается. А я знаю спуск, где еще сезон не закрылся. Договорились показаться, – спокойно ответил Марк, уплетая бутерброд с докторской колбасой.
- Вы первый раз друг друга видите?!
- И что?
- Но ты же его совсем не знаешь! И вообще, он наглый тип!
- Ничего он не наглый. Кстати, ты ему нравишься.
- Что?! С чего ты взял?
- Варюха, за всю историю человечества мужики придумали только два способа обратить на себя внимание женщин. Первый – комплименты и подвиги. Второй – дергать за косички. В нашем, конкретном случае, второе. Послушай, папочку. У пафочки опыт – последнюю фразу Звонарёв прожевал вместе с остатками бутерброда.
- Идем, папочка, посмотрим, как сцену будут снимать. Сейчас твой новоиспеченный друг в кадре, – подколола Марка Варвара.
- Орлов стоял спиной к камере и лицом к дому. Почти в том же виде, в каком мы его видели несколько минут назад, только без куртки. Чтобы создать атмосферу сна, на площадку напустили дым. «Вау!» – сказал замороженный Марк. На происходящее он смотрел, как на аттракцион. «Камера. Мотор» – раздалась команда режиссера. «Вдруг, ден этак пять тому назад, приезжает оттоль офицер и рассказывает господину поручику, что вотчину их красные сожгли, а барыню нашу расстреляли», – вспомнила Варя мысленно цитату из романа. «Твою мать!» – вдруг раздалось на площадке. Гряда облаков на небе прошла и неожиданно вышло солнце, не вписывающееся в драматичную сцену сновидения. «Валера, ждем», – разочаровано скомандовал Петров оператору. «Перерыв», – снова громкогласно объявила помреж. «Великий менеджмент российского кинематографа», – раздался мужской недовольный голос за Вариной спиной. Это был Ермаков, уже загримированный и тоже в форме.
- Здравствуйте, – тихо поздоровалась Варя.
- Здравствуйте, – сухо ответил Ермаков. Развернулся и ушел.
- Это Ермаков? – шепнул Марк Варе на ухо.
- Да, – ответила она. – А чего ты шепчешь?
- Не знаю. Ты тихо – и я тихо.
- Други мои, – вырос у них за спинами Орлов, делая в каждом слове ударение на первый слог – прекрасен наш союз! Может прогуляемся?
- Идея, – подхватил Звонарёв – Варвара Николавна, вот обещала мне рассказать историю усадьбы.
- Да? Я тоже с радостью послушаю, – ответил Орлов.
- А тебя искать не будут? – спросила Варя – Сейчас солнышко раз и зайдет.
- Вот как раз, так и вернемся. К тому же мы недалеко. А бас – Орлов изобразил бас, – бас Марты Моисеевны слышно всюду.

Звонарёв рассмеялся.

– Ладно идем, – снисходительно согласилась Варя.

Когда Марк ушел немного вперед, торопясь залезть в развалившуюся усадьбу, Петя негромко её спросил:

– Брысь, ты обиделась?

– С чего вдруг?

– За утренний разговор.

– Было б на что.

– А вы не промах, Варвара Николаевна.

– Ну, где вы там? – раздалось эхо голоса Марка. – Варюха, ты будешь рассказывать или нет?

– Усадьба «Гребнево» князей Голицыных построена на рубеже 18 и 19 веков, – начала Варя. – Если быть точнее, то во второй половине 18-го. Мы с вами сейчас находимся в главном, «господском», доме, к которому примыкают другие настройки. Это центр архитектурного ансамбля. Кстати, село Гребнево гораздо старше усадьбы. Первый, фигурирующий в документах, владелец села боярин и воевода Василий Воронцов. Село несколько раз меняло название. Но это вам не столь важно. Воронцовы владели селом до 1577 г.

– А Галицыны тогда при чем? – перебил Марк, взбираясь на выступ обрушившейся стены.

– Подожди, – ответила Варя. – Воронцовы продали село Бельскому, племяннику Малюты Скуратова и приближенному Бориса Годунова. Есть даже версия, что это он Годунов и задушил. Осторожней – это Варя сказала Орлову, который споткнулся о кусок арматуры – Но около 1578 года село Гребнево было возвращено Борисом Годуновым вдове исконного владельца Василия Федоровича Воронцова, Марии Васильевне. Потом село числилось за Трубецкими. Вероятнее всего, перешло как приданное дочери Воронцовых. Трубецкие владели им 200 лет – Варя замолчала, отвлекшись на графите, уродовавшее древнюю стену дома с осыпавшейся штукатуркой – В 80-х годах 18-го века имение купила первая жена Гаврилы Ильича Бибикова. А он, между прочим, был видным государственным деятелем, сенатором, главнокомандующий войсками в борьбе при подавлении Пугачевского бунта. А его потомок занимал должность киевского генерал-губернатора, а потом министра иностранных дел Российской Империи при Николае Первом. Как раз при Бибикова, сенаторе, в Гребневе был создан архитектурный ансамбль усадьбы, который мы с вами сейчас обзираем. При нем же здесь действовал крепостной театр и балетная труппа. Литературный салон существовал. Учителя по танцам и музыке выписывались из-за границы. Именно Бибиков пригласил в Россию танцмейстера Иогеля, которого Толстой упоминает в «Войне и мире». Изначально он приехал из Франции для постановок балетов в Гребневе.

– Да ладно?! – подал голос Марк.

– Вот тебе и да ладно – ответила Варя.

– Но почему все таки галицинская усадьба? – спросил Орлов, наблюдая как Варя рассматривает кирпичную кладку, прикасаясь рукой к холодному кирпичу, как к теплой печке.

– Голицыны... – Варя «вынырнула» из своих мыслей – Голицыны. К ним усадьба перешла после смерти Бибикова. Князь Голицын возвел два флигеля, парадные въездные ворота, напоминающие триумфальную арку, и зимний Никольский храм. Это уже в начале 19-го века. Еще появились манеж, шикарная конюшня с помещениями для конюхов и конторы, каменная больница. Потом усадьбу было решено сдавать под заводы. Точно всего не помню. Простите. Но, понятно, что производство благоприятно на дом не повлияло. Потом усадьбу выкупили местные фабриканты. Старались восстановить её. Но после них строения снова пытались приспособить то под больницу, то под санаторий, то под общежитие. – Варя посмотрела в дырку в стене, через которую открывался вид на реку, протекавшую за домом. – А в начале 20-го века,

еще при царской России, здесь открылся первый санаторий. При Советах здание отдали под санаторий для туберкулезников. К этому времени, здесь уже было и электричество, и отопление. Потом здесь еще были, по-моему, техникум и какое-то НИИ. И только короткий отрезок времени, накануне развала Союза, здание отдали культурному центру для концертов и тому подобному. Но надо отдать должное советской власти, при ней усадьба сохранялась и реставрировалась. Но в 91-ом году дворец сгорел при невыясненных обстоятельствах. В 2007-ом усадьба снова горела.

– Почему её не реставрируют? – спросил Орлов, размышляя в слух.

– Потому что нафиг она не нужна никому – ответил Марк.

– После последнего пожара её хотели отдать частным инвесторам. Вели переговоры с «Ростехом». У них здесь ей свой проект, и нужна была территория для культурно-массовых мероприятий, – продолжила Варя – Территория позволяет это делать. Чиновники попросили 180 млн руб. за усадьбу, и «Ростех» сник. К слову, по закону, победитель аукциона обязан в течение семи лет полностью отреставрировать объект. Если есть стены, то восстановить их. Если остались руины – заказать архитектурный проект, воспроизводящий первоначальный вид. Как только реставрация будет завершена и принята экспертами департамента культурного наследия города или области, начинает действовать льготная ставка аренды – 1 руб. за 1 кв. м. А до этого инвестор платит рыночную стоимость. Аренда дается на 49 лет, включая период реставрации. Усадьба и земля под ней остаются в собственности государства. Арендатор может использовать здание по своему усмотрению, может сдать помещения в субаренду, если только это не наносит вред зданию. Здесь нельзя разместить производство, склады, бассейн или салон красоты. Жить в отреставрированной усадьбе можно. Но регистрацию вам никто не даст. По документам это нежилой объект недвижимости, в котором нельзя прописаться. Так вот. В 2011 году имущественный комплекс усадьбы Гребнево передали в уставной капитал ОАО «Распорядительная дирекция Минкультуры России». В том же 2011 г. по результатам проверки Счетной палатой оказалось, что с 2004 г. Распорядительная дирекция не осуществляла действенных мер по сохранению и восстановлению объектов усадьбы. Генеральный директор Распорядительной дирекции обещал, что в 2013 году в усадьбе начнутся противоаварийные работы. Но директора сменили. Поговаривают, что сбежал со всеми документами. Короче говоря, воз и ныне там. А от ворот и арок, двухуровневого зала на 24 окна остались рожки да ножки – с сожалением закончила рассказ Варвара.

– Зала? – переспросил Орлов.

– Да, здесь был огромный двусветный зал в 24 окна на двух уровнях. При Бибиковых – это был бальный зал, при санатории – столовая, а при техникуме – спортзал. Он сохранялся в аутентичном виде вплоть до пожара в 91-ом году.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил пораженный Орлов.

– Она ходячая советская энциклопедия – ответил Марк.

– Я просто люблю свою работу и люблю читать. К тому же, не зная своей истории, истории страны, города, семьи, как можно понимать себя. Мы – это сотни, тысячи людей до нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.